

ОШТЕНЬ

и

окружающие его части Кубанской области.

Н. Деникинъ.

Среди бесконечного моря лѣсовъ, покрывающихъ Черноморский округъ, а также Закубанскій и Майкопскій отдылы Кубанской области, поднимается высокая и замѣчательная во многихъ отношеніяхъ гора Оштенъ. Если подвигаться отъ западнаго конца Кавказской цѣпни горъ къ востоку, то это будетъ первый крупный массивъ, первая вершина, украшенная не только вѣчными снѣгами, но и небольшими глетчерами; это вмѣстѣ съ тѣмъ и первая на западѣ Кавказа гора, гдѣ мы встрѣчаемъ крутыя скалы, простирающіяся въ горизонтальномъ направленіи на цѣлые версты и поднимающіяся отвѣсными стѣнами въ сотни и даже тысячи футовъ; на Оштенѣ мы впервые встрѣчаемся и съ зоною альпійскихъ луговъ. Что-же касается горъ, расположенныхъ къ западу отъ него, то онъ сравнительно низки, до самыхъ вершинъ покрыты почти сплошными лѣсами, скалы на нихъ встрѣчаются какъ исключеніе и, кроиѣ того, никогда не достигаютъ особенно большихъ размѣровъ, а луга отсутствуютъ вовсе. Вѣчныхъ снѣговъ на этихъ горахъ, конечно, и быть не можетъ. Такимъ образомъ, начиная отъ Оштена, Кавказскія горы какъ будто-бы сразу перерождаются: онъ становится значительно выше, громадныя скалы начинаютъ тѣсниться на ихъ вершинахъ, тянутся онъ лишь съ небольшими перерывами до самой восточной части хребта; на склонахъ или на вершинахъ горъ, выше границы лѣсовъ, появляются здѣсь довольно значительныя пространства, покрытыя превосходными альпійскими травами; кроме того, на Оштенѣ и къ востоку отъ него, на протяженіи цѣлыхъ сотень верстъ, надъ этими зелеными уступами горъ почти везде еще блестятъ вѣчные снѣга, которые прерываются только тамъ, гдѣ гребень хребта образуетъ значительныя впадины или сѣдовинны. Замѣчательенъ Оштенъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Вблизи его начинаются хвойные лѣса, которые тянутся, хотя и съ нѣкоторыми перерывами, на востокъ вдоль всей высокой ча-сти хребта. Около Оштена впервые обнажаются кристаллическія горныя породы, которыя, сколько мнѣ извѣстно, къ западу отъ него вездѣ покоятся подъ мощными пластами осадочныхъ форма-цій, юрской и мѣловой. Наконецъ, Оштенъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что питаетъ нѣсколько довольно большихъ или, по край-ней мѣрѣ, очень быстрыхъ и многоводныхъ рѣчекъ, каковы Бѣ-лая, Пшеха, Сочи и Шахе.

Езь Оштену мною было предпринято нѣсколько поѣздокъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ я отправлялся къ нему черезъ станицу Самурскую, которая расположена на холмистой площад-кѣ праваго берега рѣки Пшехи, на высотѣ приблизительно 1250 фут. надъ уровнемъ моря. Это послѣдняя на Пшехѣ станица, выше которой находится только небольшой поселокъ изъ нѣ-сколькихъ семействъ армянъ, вышедшихъ изъ Турции. У нижня-го конца станицы въ Пшеху впадаетъ маленькая рѣченка Мата-зукъ, вытекающая изъ лѣсовъ, которые окруждаютъ станицу съ юго-восточной стороны; а верстахъ въ двухъ выше въ Пшеху-же вливается необыкновенно красивая и очень быстрая рѣчка Цеце, получающая начало изъ подъ самого Оштена. Пшеха также пред-ставляетъ большую и довольно быструю горную рѣчку, аршинъ въ 60 ширину; вода въ ней чиста, прозрачна и имѣть зеле-новатый цвѣтъ. Температура ея въ лѣтнее время послѣ полудня равняется обыкновенно 18—20° С. Передъ Самурской, Пшеха дѣ-лаетъ два крутыхъ поворота, черезъ которые надо переѣхать вбродъ, чтобы попасть въ станицу. Въ половодье это обсто-ятельство сильно затрудняетъ сообщеніе Самурской съ окружаю-щими населенными пунктами. Въ Пшехѣ водится довольно много мелкой рыбы, именно подустъ или чернопузикъ (*Chondrostoma nasus L.*), плотва красноперая (*Scardinius erythrophthalmus L.*), головель (*Squalius cephalus L.*), пескарь (*Gobio fluviatilis L.*), выю-ны и т. д. Сомы, которые очень часто попадаются около Апше-ронской станицы, здѣсь почти не встрѣчаются.

Станица Самурская заключаетъ въ себѣ 200 съ неболь-шимъ дворовъ и отличается очень живописными окрестностями. Довольно высокія горы, покрытыя густыми лѣсами, среди кото-рыхъ, какъ оазисы среди пустыни, виднѣются полянки и скалы, глубокія балки и рѣчные долины, извивающіяся между горами.

окружаютъ ее со всѣхъ сторонъ. Особенно пріятно ласкаетъ здѣсь взоры необыкновенное обиліе лѣсовъ, которые одѣваютъ почти все видимое пространство. Очень красиво выглядываютъ находящіеся вдали высокоствольные, темновеленые пихтовые лѣса, которые въ видѣ барьера окаймляютъ вершины и гребни горъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то изъ нихъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе высокая съ обнаженной, куполообразной вершиной гора, называемая мѣстными жителями Нагой-кошемъ (Нагой-кошъ) *); она составляеть одинъ изъ контрафорсовъ Оштена и поднимается до высоты въ 8000 ф. Въ теченіе всего лѣта на ней лежать полосы и пятна снѣга, вся-же прочая поверхность ея, за исключеніемъ немногихъ скалистыхъ мѣстъ, покрыта травой. Западнѣе Нагой-коша по долинѣ Пшехи виднѣется гора Шесси, внизу заросшая лѣсомъ, а на самомъ верху скалистая. Высота ея болѣе 5000 ф. Еще правѣе и гораздо ближе къ станицѣ возвышается гора, имѣющая видъ правильного, слегка приупленного конуса, покрытая до самой вершины сплошнымъ лѣсомъ,—это Оплененъ, поднимающійся до высоты 3250 ф., т. е. на 2000 ф. выше станицы. Еще правѣе Опленена тянутся уже совсѣмъ иначе горы, ограничивающія верховья рѣчки Фабаго, впадающей въ Пшеху.

Лѣвѣе Нагой-коша виднѣется очень крутая, скалистая, но тѣмъ-не менѣе покрытая почти сплошными лѣсами гора. Самурцы называютъ ее просто скалою; подножье ея отстоитъ отъ Самурской на 7 верстъ. Съ сѣверо-восточной стороны, около самой станицы, также поднимаются горы, довольно высокія и покрытыя лѣсомъ. На одной изъ нихъ, вслѣдствіе сильнаго размыванія Пшехою, образовались большие осовы, причемъ обнажился толстый пластъ солонцеватой глины, отложившійся, вѣроятно, еще въ тѣ времена, когда описываемая мѣстность была морскимъ дномъ.

Самурская имѣть довольно здоровый климатъ. Хотя лихорадки здѣсь не составляютъ рѣдкости, но ими болѣютъ обыкновенно въ концѣ лѣта и осенью, вслѣдствіе крайне неумѣреннаго употребленія въ пищу незрѣлыхъ плодовъ и полившаго игнорированія всѣми гигієническими правилами. Тяжелыхъ, злокачест-

*.) На картахъ Кавказа Нагой-кошки обозначенъ не здѣсь, а верстъ на 10 западнѣе, въ верховьяхъ Куржипса; русскіе же и передѣлали Нагой-кошки въ Нагой-кошъ..

венныхъ формъ лихорадки здѣсь, однако не бываетъ. Довольно теплая зима, прохладное лѣто, отсутствіе вѣтровъ и пыли дѣлаютъ климатъ Самурской особенно пріятнымъ. Лѣтомъ, послѣ довольно теплого дня, здѣсь наступаетъ въ большинствѣ случаевъ прекрасный, прохладный вечеръ, а ночи бываютъ нерѣдко даже совсѣмъ холодными; кромѣ того, во время ночи трава покрываются обыкновенно такой большой росой, какъ будто только-что прошѣть сильный дождь. Зимою нерѣдко выпадаетъ глубокій снѣгъ, ноѣмъ лежитъ въ большинствѣ случаевъ не долго. Только чрезмѣрные дожди въ концѣ весны и въ первой половинѣ лѣта сильно наскучаютъ здѣсь и нерѣдко совершенно останавливаютъ полевые работы. Особенно страдаетъ отъ нихъ сѣно, которое ча-сто совсѣмъ сгниваетъ въ „рядахъ“ и коннахъ. Такимъ климатомъ отличается не только Самурская, но и вся вообще горная полоса этой части Кавказа.

Мѣсто, на которомъ расположена Самурская, было занято русскими войсками въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь и до сихъ поръ сохранились два дуба, подъ которыми была разбита палатка генерала Геймана и его адъютанта И. Л. Венеровского; кромѣ того, въ саду Венеровского сохранились два кургана, бывшія батареи, съ которыхъ обстрѣливали противуположный берегъ Шехи, занятый горцами. Наконецъ, здѣсь осталось и нѣсколько чугунныхъ стволовъ отъ пушекъ, защищавшихъ когда-то Самурскую станицу.

Обилие атмосферныхъ осадковъ, отсутствіе вѣтровъ и очень умѣренная зима дѣлаетъ климатъ этихъ мѣстъ очень благопріятнымъ для садоводства. Посѣщаю Самурскую неоднократно и присматриваясь къ саду моего знакомаго И. Л. Венеровского, я удивлялся необыкновенно быстрому росту его молодыхъ деревьевъ. Двухлѣтніе прищепы черемши имѣли здѣсь отъ 10 до 12 вѣтвей, толщиною въ мизинецъ и длиною 1—2 аршина; замѣчательно быстро росли прищепы яблонь, грушъ, сливъ и т. п. Мѣстные жители, однако, садоводствомъ не занимаются, а предпочитаютъ довольствоваться фруктами, правда, иногда очень хорошими, собираемыми въ лѣсахъ. До покоренія Кавказа здѣшнія мѣста имѣли, какъ известно, очень густое черкесское населеніе, которое занимало всѣ долины рѣкъ, поляны, болѣе пологіе склоны горъ и т. д. Почти всѣ сады, разведенныя прежними обитателями Кавказа, сохранились до сихъ поръ въ дерахъ и растутъ,

окруженные сплошными лѣсами. Такіе „садики“, какъ ихъ называютъ мѣстные жители, имѣютъ размѣры въ десятины или болѣе, и состоять главнымъ образомъ изъ алычи, сливы, яблони и грушъ. Они и до сихъ порь доставляютъ не мало плодовъ. Са-мурцы, такъ-же какъ и жители другихъ окрестныхъ станицъ, отдаютъ даже эти сады въ аренду; арендаторы нерѣдко выкашиваютъ около лучшихъ деревьевъ траву и ставятъ пугала для того, чтобы защищить ихъ отъ посѣщенія медвѣдями, которые не только поѣдаются плоды, но и сильно портятъ деревья, обламы-вая на нихъ вѣтки.

Кромѣ обыкновенныхъ, свойственныхъ Сѣверному Кавказу плодовыхъ деревьевъ, здѣсь растутъ кое-гдѣ турецкіе орѣхи, отличающіеся отъ нашихъ лѣсныхъ тонкой, красноватой скорлупой и заостренной формой плода; встречаются также и каштановые рощи. Онѣ находятся напр. на Гогопсѣ, притокѣ Пшени, на Бѣлой, около станицы Каменно-мостской (по дорогѣ отъ Камен-но-мостской) и на Сахрай *). На послѣднемъ изъ названныхъ пунктовъ сохранилось лишь небольшое число деревьевъ, именно штуки 15 – 20.

Лѣсъ составляетъ главное богатство этихъ мѣсть, главное средство къ прониканію мѣстныхъ жителей. За недостаткомъ удобныхъ мѣсть, хлѣбопашествомъ здѣсь занимаются мало и хлѣбъ собираютъ менѣше, чѣмъ необходимо для прокормленія собственного населенія; поэтому мѣстные жители въ теченіе цѣлаго года рубятъ лѣсъ, воятъ въ Майкопъ, Екатеринодаръ и другія мѣста, продаютъ его, а на вырученныя деньги покупаютъ хлѣбъ. Дубъ, букъ (чинаръ у мѣстныхъ жителей) и кавказская пихта (*Abies Nordmanniana Spach*) суть преобладающія здѣсь лѣсныя породы. Дубъ растетъ преимущественно внизу, у подножья горъ, но поднимается нерѣдко и тысячу до четырехъ футовъ надъ уровнемъ моря, букъ-же покрываетъ главнымъ образомъ среднія высоты, т. е. отъ 8 до 4 тысячъ футовъ, хотя часто вмѣстѣ съ пихтой восходитъ до верхней границы лѣсовъ, гдѣ въ видѣ не-большихъ деревцевъ растетъ рядомъ съ березой, камениной-гордо-виною (*Viburnum Lantana L.*) и рабиной, въ непосредственномъ со-сѣствѣ съ альпійскими пастбищами. Въ среднемъ поясѣ горъ буковые насажденія состоятъ изъ гигантскихъ деревьевъ въ 2

*) Сахрай посѣтѣ сліянія съ Дахо впадаетъ въ Бѣлую около Дахов-ской станицы.

или даже в обхвата толщиною и больше полусотни аршинъ въ высоту. Они всегда бывают покрыты гладкой свѣтлосѣрой корой и на протяженіи сажень 12 отъ земли не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ ни одной вѣтви. Корни ихъ никогда не проникаютъ глубоко въ землю, а образуютъ густую сѣть у самой поверхности почвы. По этой причинѣ букъ часто подвергается бурелому, при чёмъ выворачиваетъ пластъ земли въ видѣ щита, толщиною въ аршинъ, а въ длину и ширину сажени двѣ и даже болѣе. Мѣстные жители совсѣмъ не цѣнятъ буковый лѣсъ; они употребляютъ его на топливо, иногда какъ строевой матеріалъ, но рубятъ только вблизи станицъ, въ мѣстахъ-же отдаленныхъ не трогаютъ вовсе.

Сплошные дубовые лѣса составляютъ характерную особенность западнаго Кавказа. Высокоствольныя дубовые насажденія начинаются въ этой части Кавказа на линіи Майкопа и даже сѣвернѣе ея, тянутся черезъ всѣ предгорья (Черныя горы) и переходятъ на отроги Главнаго хребта. Съ одной стороны зона ихъ граничитъ съ зоною степной растительности, а съ другой съ зоною буковыхъ насажденій. Дубовые лѣса занимаютъ въ этой части Кавказа обширную площадь, хотя и меньшую, чѣмъ въ мѣстахъ, лежащихъ еще западнѣе, но рѣдко здѣсь съ каждымъ годомъ. Особенно много истребляютъ дуба на такъ-называемыя трости, идущія для приготовленія бочекъ. Для этой цѣлигоды только самая лучшая, толстая, прямая и лишенная сучьевъ деревья. При одномъ взглядѣ на кору дуба можно уже узнать, годенъ-ли онъ на трости, или нѣтъ. Если трещины на корѣ идутъ вдоль ствола очень правильно и параллельно другъ-другу, то древесина будетъ хорошо раскалываться и дастъ ровную трость; если-же эти трещины тянутся неправильно, пересѣкаются подъ разными углами, то какъ-бы дерево ни было прямо и гладко, оно не будетъ хорошо колоться. Кроме того, если дубъ не особенно толстъ, напр. менѣе трехъ четвертей въ диаметрѣ, то трость изъ него выходить плохая, имѣющая одну сторону значительно болѣе толстую, чѣмъ другая. Изъ громаднаго дуба, высотою аршинъ въ 50—60, выходить обыкновенно 2—3 отруба тростей, длиною около сажени, все-же остальное дерево и его вѣтви оставляются безъ всякаго употребленія. Для того, что-бы посмотреть тростяной лѣсъ, я нарочно отправился изъ Самурской станицы на гору Оплененъ и тамъ увидѣлъ нѣчто по истинѣ ужас-

ное. Мѣста, гдѣ заготовлялась трость, напоминали лѣсъ, черезъ который прошелъ страшнѣйшій ураганъ. Во многихъ частяхъ этого лѣса трудно было пройти даже нѣсколько шаговъ, такъ какъ поверхность земли была сплошь загромождена свалившимися другъ на друга и распостертymi во всевозможныхъ направлениихъ огромными дубовыми деревьями, отъ которыхъ пошла въ дѣло лишь нижняя часть ствола, въ 2—3 сажени длиною, все-же остальное, въ томъ числѣ и толстыя вѣтви, были брошены на произволъ судьбы, гнили и разрушались безъ всякой пользы. Многія деревья, оказавшіяся уже послѣ того, когда были срублены, не вполнѣ пригодными, валялись даже совсѣмъ не тронутыми. Когда я спросилъ своего проводника, зачѣмъ самурды такъ варварски истребляютъ свой лѣсъ, онъ отвѣчалъ, что отъ Оштена до станицы верстъ 15, дорога очень плоха, а потому возить съ этихъ мѣсть не только дрова, но даже строевой или подѣлочный лѣсъ, не имѣющій особенной цѣнности, нѣть расчета. Замѣчу, между прочимъ, что не въ далекомъ будущемъ тросянаго лѣса здѣсь не будетъ вовсе. Ни около Самурской, ни въ верховьяхъ Пшехи вообще его уже почти не осталось; по верхнему же течению Бѣлой, а также по Сахраю, впадающему въ Дахо, хорошаго, дубового лѣса больше, но и тамъ рубятъ его, какъ мнѣ рассказывали, столь усердно, что и онъ, вѣроятно, довольно скоро будетъ уничтоженъ.

Молодой дубъ также истребляется не мало. Его рубятъ на такъ называемый „наколь“, т. е. четырехугольные брусья, толщиною вершка въ два. Ихъ потомъ распариваютъ,гибаютъ и продаютъ для ободьевъ. Для этой цѣли предпочтитаются, впрочемъ, вязъ и ясень.

Нѣкоторые дубовые лѣса имѣютъ здѣсь совершенно особенную физіономію. Почти каждое дерево на высотѣ аршинъ двухъ отъ земли представляетъ довольно значительное утолщеніе въ видѣ булавы или луковицы, изъ которой выростаетъ нѣсколько болѣе тонкихъ прямыхъ стволовъ. Такіе лѣса встрѣчаются вблизи Самурской, по дорогѣ къ рѣкѣ Фабого, къ Оппенену, и сразу обращаютъ на себя вниманіе каждого, кто проѣзжаетъ черезъ нихъ. Происхожденіе этой особенности объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ прежніе годы, во время снѣжныхъ зимъ, когда подножнаго корма не оказывалось, горцы рубили деревья на высотѣ аршинъ двухъ отъ земли и ихъ вѣтвями, корой, а также

почками корнили своихъ овецъ. Благодаря влажному климату, почти ни одинъ изъ этихъ пней не засыхалъ, а утолщался вблизи отруба и выпускалъ изъ себя цѣлый пучекъ вѣтвей. Впослѣдствіи большая часть ихъ погибла, а штуки 3—4, оказавшіяся наиболѣе сильными, росли и превращались въ стройныя, ровныя деревца, сидящія на одномъ высокомъ пенькѣ.

Пихтовыя насажденія занимаютъ большую площадь въ этой части горъ и имѣютъ притомъ очень широкое распространеніе въ вертикальномъ направленіи. На Бѣлой они спускаются почти до самыхъ Хамышковъ, т. е. до 1900 фут. На Цепе отдѣльные небольшія пихты начинаютъ попадаться въ верстахъ 10 отъ Самурской станицы, т. е. на высотѣ приблизительно 1500 фут. надъ уровнемъ моря. Нѣсколько выше большой поляны, находящейся на лѣвомъ берегу Цепе, на высотѣ 1900 фут., пихты попадаются уже довольно часто; здѣсь они растутъ рядомъ съ дубомъ, кленомъ, вязомъ и т. д. Тамъ, гдѣ начинаются болѣе или менѣе силошная буковая насажденія, пихта попадается уже очень часто; но чѣмъ выше станемъ мы подниматься по нимъ, тѣмъ болѣе сильное преобладаніе замѣчаемъ пихты надъ букомъ. Наконецъ, на высотѣ тысячу $4\frac{1}{2}$ фут., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. на Мезиаѣ (въ верховьяхъ Куржипса), и еще ниже, пихта почти совершенно вытѣсняетъ букъ. Что касается верхней границы пихтовыхъ насажденій, то она на горахъ противъ станицы Самурской поднимается почти до 5500 фут., а въ другихъ мѣстахъ даже выше.

Кавказская пихта растетъ красивыми, исполнинскими деревьями. Стволы въ 5 аршинъ въ окружности попадаются въ огромномъ количествѣ, довольно часто до $5\frac{1}{2}$, и 6 аршинъ, а иногда даже въ $7\frac{1}{2}$. У одной пихты, имѣвшей 25 вершковъ въ диаметрѣ (2 обхвата), я насчиталъ 330 годичныхъ слоевъ. Между такими гигантами попадается, конечно, много мелкихъ деревцевъ, причемъ нѣкоторымъ изъ нихъ, именно растущимъ въ большей тѣни, не суждено никогда и выбраться на свѣтъ; они растутъ крайне медленно, чахнугъ и болѣе или менѣе рано погибаютъ. Я срѣзала одно такое деревцо, со стволомъ, имѣвшимъ 7 линий въ диаметрѣ, и насчиталъ въ немъ 15 годичныхъ слоевъ. Не смотря на сырой климатъ и быстрый ростъ деревьевъ, здѣсь довольно часто попадаются пихты съ мелкослойной древесиной.

Пихта употребляется на доски и колется на такъ называемые

мую „дрань“, т. е. пластины, длиною аршина $2\frac{1}{2}$, и толщиною въ $\frac{1}{8}$ вершка. Тысяча штукъ такой драны въ станицѣ Самурской стоить обыкновенно отъ 16 до 20 рублей.

Тисъ (*Taxus baccata*) въ окрестностяхъ Самурской попадается не часто. Я встрѣчалъ его у верхней границы лѣсовъ въ верховьяхъ Цеце, на высотѣ 5000 фут. Здѣсь онъ достигаетъ нѣсколько вершковъ въ толщину, но растетъ такъ низко, что вѣтви его почти стелятся по землѣ. У старыхъ экземпляровъ древесина очень тверда и имѣеть красивый, красно-бурый цвѣтъ. Вообще въ лѣсахъ Кубанской области тисъ попадается рѣдко. Н. Кузнецова нашелъ его на Б. Лабѣ, въ Загданѣ, а я кромѣ верховьевъ Цеце, на Кубани близъ древней Хумаринской церкви.

Сосна въ верховьяхъ Пшехи, Бѣлой и ихъ притоковъ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ пихта. Вблизи Самурской ея почти нѣть. Въ верховьяхъ Пшехи она попадается въ Тубахъ, по Гогонсу. Здѣсь есть высокій кряжъ, который на верху, на протяженіи верстъ 5 въ длину, покрытъ сосновой, въ перемежку съ дубомъ и букомъ. Подъ Оштеномъ, въ самомъ верховье Цеце, на высотѣ 5800 ф. есть также сосновая роща, штукъ въ 100 деревъ, толщиною въ обхватъ и болѣе. Подобную-же рощу встрѣтилъ Н. Кузнецова въ верховьяхъ Гузериля на высотѣ 5989 ф. Кое-гдѣ встрѣчается сосна и ниже, напр. въ долинѣ Цеце, на горахъ съ лѣвой стороны рѣчки, верстахъ въ 10—12 отъ Самурской. Въ самыхъ верховьяхъ Куржипса, верстахъ въ 20 выше Мезмая есть также балка, въ которой растетъ нѣсколько десятиковъ сосенъ. Въ долинѣ Бѣлой сосна попадается уже гораздо чаще. По дорогѣ изъ Сахрая въ Хамышки на отвѣсныхъ уступахъ горъ, обращенныхъ къ югу, она встрѣчается довольно часто, а еще чаще по дорогѣ изъ Хамышковъ въ Даховскую на горахъ, ограничивающихъ долину Бѣлой. Сосна растетъ кое-гдѣ по этой долинѣ и ниже Даховской. Нигдѣ однако въ этихъ мѣстахъ она не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ пихта; очень толстой считается здѣсь сосна, которая имѣеть около аршина въ діаметрѣ.

Вообще о распространеніи хвойныхъ деревьевъ въ предѣлахъ Сѣвернаго Кавказа надо сказать слѣдующее. Въ самой западной части Кавказа хвойныхъ лѣсовъ нѣть вовсе, они появляются впервые тамъ, гдѣ Кавказскій хребетъ поднимается до высоты 5—6 тысячъ футовъ. На склонахъ Оштена, именно въ верховьяхъ Пшехи, Цеце, Куржипса и Бѣлой растутъ уже дре-

мучіе пихтовые лѣса, но они встречаются и нѣсколько западнѣе (верстъ 20—30) Оштена, на меридіанѣ станицы Нефтяной, именно въ верхорьяхъ Пшиша. Всѣ эти мѣста отличаются необыкновенно влажнымъ, чисто морскимъ климатомъ и обилиемъ атмосферныхъ осадковъ; изъ хвойныхъ здѣсь растетъ пихта, любящая очень сырой климатъ, и изрѣдка сосна. Послѣдняя выбираетъ крутые, каменистые, сильно освѣщенные солнцемъ гребни и склоны горъ. Ели здѣсь еще нѣть вовсе, далѣе же къ востоку, именно въ верховьяхъ М. и Б. Лабы, гдѣ атмосферныхъ осадковъ нѣсколько меньше, появляется уже довольно значительное колическво ели (*Picea orientalis*). Ель и сосна начинаютъ здѣсь уже конкурировать съ пихтою. Въ верховьяхъ Кубани, а также по Тебердѣ пихта отступаетъ уже на задній планъ, къ востоку-же отъ Эльбруса ни пихты, ни ели нѣть вовсе, а растетъ только сосна. На болѣе влажномъ южномъ склонѣ Главнаго хребта пихта и ель подвигаются въ востоку значительно дальше. Такимъ образомъ она растетъ еще въ верховьяхъ Ріона, лежащаго противъ Нальчикскаго и Владикавказскаго округовъ Терской области. Въ отношеніи распространенія хвойныхъ деревьевъ на Кавказѣ интересно, между прочимъ, то, что на западѣ ель появляется позднѣе сосны и не заходить такъ далеко на востокъ, какъ сосна. Такимъ образомъ еловыя насажденія являются какъ будто-бы болѣе разборчивыми въ отношеніи климата и занимаютъ раіонъ отъ верховьевъ М. Лабы до западнаго склона Эльбруса. Говорять, впрочемъ, что ель попадается кое-гдѣ и въ верховьяхъ Бѣлой, но очень рѣдко.

Кромѣ упомянутыхъ древесныхъ породъ здѣсь растетъ много клена (*Acer tataricum* и *A. campestris*), вяза или карагача (*Ulmus campestris*), липы, ясени и березы. За исключеніемъ послѣдней, всѣ эти деревья достигаютъ иногда огромныхъ размѣровъ. Въ Мезмайскомъ лѣсу я самъ встрѣчалъ клены въ 10 аршинъ въ окружности (4 обхваты); почти такой-же толщины попадается иногда и липа (до сажени въ диаметрѣ). По словамъ Самурцевъ, въ верхней, почти недоступной части долины Цеце-растетъ цѣлый лѣсъ изъ ясеней громадныхъ размѣровъ и прямыхъ, какъ свѣча. Этотъ лѣсъ не знаетъ до сихъ поръ топора. Среднихъ лѣтъ ясень и вязъ истребляются здѣсь въ довольно большомъ количествѣ и главнымъ образомъ для ободьевъ и стуницъ. Береза сплошныхъ насажденій не образуетъ, а бываетъ перемѣ-

шана съ другими лѣсными породами. Она попадается выше Самурской въ долинѣ Цеце, а также между Самурской и Прусской станицами. Низкорослая береза растетъ почти вездѣ у верхней границы лѣсовъ, на высотѣ 5—6 тысячъ футовъ. Березу также истребляютъ въ изрядномъ количествѣ на разные подѣлки. Красивая, стройная, высокая осина, съ корою зеленоватаго цвета, встречается на малыхъ и верхнихъ высотахъ. По берегамъ рекъ растетъ много ольхи, черноольхи, серебристаго тополя и вербы. Дикия груши по низамъ образуютъ такія густыя заросли, черезъ которыхъ трудно даже пробираться. Надо замѣтить, что сильное истребление здѣшнихъ лѣсовъ оказываетъ влияніе на ихъ качество, площадь же, занятая лѣсами, здѣсь не только не уменьшается, а даже увеличивается. Явленіе это въ наше время не только рѣдко, но даже мало вѣроятное. Оно очень заинтересовало меня, и я обратилъ на него особенное вниманіе. Жители Самурской, Нижегородской и Нефтяной станицъ, а также поселка Сахрая показывали мнѣ на многія мѣста, которая прежде, т. е. во времена заселенія этого края русскими, представляли пастбища, покосныя мѣста или кукурузныя поля, теперь-же они покрыты лѣсомъ. Въ Нижегородской станицѣ лѣсъ подошелъ къ самыи дворамъ, прежде-же вокругъ станицы была обширная поляна, на которой косили сено. Ниже Самурского хутора, на тѣхъ мѣстахъ, где теперь растетъ лѣсъ и кустарникъ, когда-то сѣяли арбузы, дыни и тыквы. Въ Нефтяной станицѣ многія улицы упираются прямо въ густой лѣсъ, прежде же и тутъ были большія поляны. Слѣды ауловъ („аулица“ на языке мѣстныхъ жителей) сохранились въ этой части Кавказа въ огромномъ числѣ. Въ настоящее время они покрыты сорными травами, ожиной и, кромѣ того, съ каждымъ годомъ все больше и больше зарастаютъ лѣсомъ. Причиною всего этого слѣдуетъ считать, конечно, необыкновенно влажный и сравнительно теплый климатъ этихъ мѣстъ, очень благоприятный для лѣсовъ. Надо еще замѣтить, что всѣ здѣшнія поляны зарастаютъ чаще всего грушами; мѣстные жители совершенно справедливо приписываютъ это тому, что домашний скотъ, пойдая осенью плоды грушъ и разбрасывая сѣмена ихъ вмѣстѣ съ своими экскрементами во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, где пасется, т. е. на полянахъ и выгонахъ, тѣмъ самымъ способствуя заростанію ихъ грушнякомъ. Съ этимъ послѣднимъ жители горныхъ станицъ ведутъ постоянную войну, рубятъ и выжи-

гають его, но все это при недостаточной настойчивости мало помогает дылу.

Кизиль и свидина (*Cornus sanguinea*) растут въ здѣшнихъ мѣстахъ также въ изобиліи и преимущественно въ нижнемъ поясе горь. Самшитъ или кавказская пальма (*Buxus sempervirens*) попадается чаще въ долинѣ Цеце, верстахъ въ 10 отъ станицы Самурской, на высотѣ около 1500 ф. надъ уровнемъ моря, и отсюда поднимается высоко на скалы. Много растетъ ея выше станицы Нижегородской, а также по каменистымъ мѣстамъ въ верховьяхъ Куржипса (недалеко отъ Мезмая). Это красивое деревцо съ вѣчно-зелеными листьями любить сырья, сильно тѣнистая масть и достигаетъ аршинъ пяти въ высину, при толщинѣ въ ружу или вѣсколько больше. Прежде пальма истреблялась очень сильно, теперь же вывозъ ея изъ этихъ мѣстъ болѣе или менѣе ограниченъ. Въ Майкопѣ ее привозятъ обыкновенно передъ Вербнымъ воскресенемъ и раздаютъ въ церквяхъ вмѣсто вербы.

Внизу у подножья горь растетъ также обыкновенная калина, терень, облѣпиха или дереза (*Hippophae rhamnoides*), вѣсколько видовъ крупины и виноградная лоза. Послѣдняя встрѣчается въ самой станицѣ Самурской, но не здѣсь, ни въ лѣсахъ, окружающихъ ее, не достигаетъ значительныхъ размѣровъ (не болѣе $1\frac{1}{2}$ —2 дюймовъ въ толщину); очень часто попадается она въ Даховскомъ ущельи и по рѣкѣ Дахо, гдѣ, какъ показалъ Н. Кузнецова, поднимается до 1500 ф. надъ уровнемъ моря. Она приносить мелкие кисловатые плоды. Шишкы (*Mespilus germanica*) встрѣчаются здѣсь рѣдко. Я видѣлъ ихъ всего 2—3 раза. У верхней границы лѣсовъ, на высотѣ 5—6 тысячъ футовъ, растетъ много рябины и калины-гордовини (*Viburnum lantana*). Смородина попадается въ лѣсахъ довольно часто и поднимается, напр., въ долинѣ Цеце до 5000 ф., а малина на горахъ, окружающихъ Самурскую, почти не встрѣчается, тогда какъ на Сахраѣ растетъ въ изобиліи и приносить вкусные и крупные плоды. Ержевоникъ въ этихъ мѣстахъ мнѣ не попадался. *Clematis vitalba* встрѣчается всюду на болѣе или менѣе солнечныхъ мѣстахъ и страшно заплетаетъ кустарники и деревья.

Въ чинаровыхъ и пихтовыхъ лѣсахъ всюду стелется по землѣ падубъ съ блестящими, кожистыми, колючими листьями; особенно много попадалось мнѣ его въ долинѣ Цеце. По скаламъ и стволамъ деревьевъ вьются плющъ, а рододендроны встрѣчаются

вездѣ на опушкахъ и полянахъ. Они здѣсь растутъ въ числѣ нѣсколькихъ видовъ, и одинъ изъ нихъ, именно *Rhod. ponticum*, отличается крупными, очень красивыми, темно-лиловыми или красновато-фиолетовыми цветами. Это растеніе, свойственное Закавказью и преимущественно самымъ сырьимъ мѣстамъ его, найдено было Кузнецовымъ въ верховьяхъ Бѣлой, а мню въ верховьяхъ Цеце. На высотѣ 4¹/₂, тысячъ футовъ я засталъ его однажды въ полномъ цвету въ срединѣ юна. На каменистыхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе сильно освѣщенныхъ солнцемъ, въ долинѣ Шехи (напр. выше Самурской—у Волчихъ воротъ) растетъ много жасмину. Еще больше его въ долинѣ Бѣлой, около ст. Каменно-мостской. Въ долинахъ очень тѣнистыхъ и особенно сырьихъ, какъ напр. въ долинѣ Цеце, онъ почти не встрѣчается. Рядомъ съ жасминомъ, около Волчихъ воротъ растетъ кустарникъ, или даже небольшое дерево съ красивой пестрой корой и плодами, напоминающими собою плоды желтой акадіи: это *Staphylca pinnata* L. Подобно жасмину, оно почти не встрѣчается въ сырой, тѣнистой долинѣ Цеце, а очень часто по Шехѣ, выше Самурской, на скалистыхъ, освѣщенныхъ солнцемъ мѣстахъ. Ожива (*Rubus discolor*) растетъ на всѣхъ опушкахъ и полянахъ въ нижнемъ поясѣ горъ; благодаря ея крѣпкимъ, острымъ и загнутымъ колючкамъ, многія мѣста дѣлаются почти непроходимыми. Вооруженныхъ колючками держи-дерева (*Paliurus aculeatus*) и *Smilax* здѣсь не встрѣчается вовсе. У верхней границы лѣсовъ растетъ еще нѣсколько представителей семейства брусличныхъ: бруслика (*Vaccinium vitis idea*), черника (*V. Myrtillus*) и *V. Arctostaphylus* L. Послѣднюю называютъ здѣсь дикимъ чаемъ и иногда употребляютъ вместо китайскаго. Самурцы ъздятъ за нимъ къ Оштену и рвутъ его на южномъ склонѣ этой горы. Мнѣ не приходилось пить этого чая, но по словамъ Н. Кузнецова, отваръ его, имѣющій болѣе темный цветъ, чѣмъ настоящаго чая, не лишенъ нѣкотораго вкуса. Описание травянистыхъ растеній этихъ мѣстъ могло бы послужить предметомъ отдѣльного сочиненія; но я, не будучи специалистомъ-ботаникомъ, упомяну только о тѣхъ изъ нихъ, которыя обращаются на себя особенное вниманіе. Прежде всего бросается здѣсь въ глаза обиліе папоротника-орляка, который образуетъ огромныя, сплошныя заросли и достигаетъ высоты въ сажень и болѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ немъ можетъ даже спрятаться всадникъ, сидящій на лошади. Большая часть

здѣшнихъ полянъ и лѣсныхъ опушекъ покрыта этимъ папоротникомъ, перемѣщеннымъ съ ожиной, еживикой и другими растеніями. Въ лѣсахъ наиболѣе сырья и низкія мѣста зарастаютъ чу-
ннымъ корнемъ, который достигаетъ иногда сажени въ высоту и имѣеть листья болѣе аршина въ диаметрѣ. Эти „лопухи“, какъ ихъ называютъ мѣстные жители, вмѣстѣ съ папоротниками слу-
жатъ въ лѣтнее время убѣжищемъ для медвѣдей, свиней и козь.
Девесиль образуетъ цѣлые лѣса бурьяна и въ нѣкоторыхъ мѣ-
стахъ вытягивается почти до двухъ сажень въ высоту. Еще боль-
шій ростъ имѣеть борщевикъ, травянистые, пустые въ срединѣ
стебли котораго достигаютъ вершковъ трехъ въ диаметрѣ при вы-
сотѣ болѣе двухъ сажень. Травянистая бузина также образуетъ
сплошныя заросли, занимающія большія пространства, въ особен-
ности около жилыхъ мѣсть. На опушкахъ и полянахъ растетъ
много красивыхъ лилій, а въ лѣсахъ очень часто попадается мо-
розникъ. Мнѣ не удавалось найти его съ цветами и точно опре-
дѣлить, но, судя по листьямъ и корневищамъ, онъ, какъ
кажется, долженъ быть отнесенъ къ роду *Helleborus*. Выше
границы лѣсовъ, на высотѣ 5—6 тысячъ футовъ, начинаются гор-
ные луга. Нижняя часть ихъ (субальпійская зона) отличается
необыкновеннымъ богатствомъ сочныхъ, высокихъ травъ и пре-
красныхъ цветовъ. Наиболѣе характерными растеніями этого по-
яса горъ должны считаться: *Betonica grandiflora*, *Veratrum album*, *Aconitum*, *Polygonum bistorta* и нѣкоторые другія. Часто
встрѣчаются здѣсь нѣсколько видовъ *Polygala*, *Geranium*, *Astrantia*, *Anthemis*, *Galium* и т. д. Этотъ поясъ переходитъ посте-
пенно въ верхне-альпійской, гдѣ растутъ главнымъ образомъ из-
ленъкія, низко-рослые растеніца, въ родѣ геніцанъ, альпійскихъ
фіалокъ (*Viola altaica*), роговика (*Cerastium Kasbek*), камнелом-
окъ (*Saxifraga exarata*, *S. levis*), колокольчиковъ, незабудокъ
(*Myosotis silvatica*) и т. д.

Первая поѣзда изъ Самурской была предпринята мною къ
Оштену; я вмѣстѣ съ двумя проводниками выѣхалъ изъ станицы
рано утромъ въ послѣдніхъ числахъ іюня. Дорога наша напра-
влялась на югъ и извивалась по полянамъ, окаймленнымъ съ бо-
ковъ густымъ, но не крупнымъ лѣсомъ, почти доходящимъ до
крайнихъ дворовъ станицы. Она пролегала вначалѣ на протяже-
ніи верстъ двухъ по долинѣ Шхеи, а потомъ вступала въ долину

ну Цепе. Верстахъ въ четырехъ отъ станицы мы должны были перейхать черезъ эту довольно большую и въ высшей степени красивую горную рѣчку. Она несетъ холодную, чистую и прозрачную, какъ хрусталь, воду, чуднаго, свѣтло-синевато-зеленаго цвѣта. Очень часто надъ самой поверхностью воды въ Цепе утромъ или вечеромъ, а нерѣдко и среди жаркаго дня, стоитъ легкая полупрозрачная дымка или рѣдкій туманъ, придающій особенно оригинальный видъ этой красивой, какъ будто-бы дымящейся рѣчкѣ. Онъ образуется, конечно, вслѣдствіе того, что очень холодная вода, приходя въ соприкосновеніе съ влажнымъ воздухомъ этой сплошь покрытой лѣсомъ долины, охлаждаетъ его и заставляетъ заключающіеся въ немъ невидимые пары скучаться и превращаться въ туманъ. Ширина рѣки доходить здѣсь шаговъ до 35, а глубина въ аршинъ или же немного болѣе.

Переѣхавъ Цепе, мы направились вдоль ея берега, гдѣ тянется почти непрерывный рядъ полянъ, на которыхъ жители Самурской косятъ сѣно и сѣютъ хлѣбъ, кукурузу, подсолнечники, картофель, коноплю и т. д. Съ боковъ полянъ и здѣсь всюду тянется лѣсъ, но уже болѣе крупный, чѣмъ вблизи станицы. Тамъ онъ состоитъ изъ однѣхъ грушъ, здѣсь же изъ разнообразныхъ породъ, именно: дуба, осины, вербы, клена, вяза, ольхи, черноольхи, орѣшника, ясеня и т. д. Пройхавъ нѣсколько по полянамъ, мы вступили въ самый лѣсъ, который вначалѣ состоялъ почти изъ одного кизила. Еще выше, именно верстахъ въ 12 отъ станицы, стали попадаться намъ довольно часто кустарники самшита или кавказской пальмы (*Buxus sempervirens*). Въ этихъ мѣстахъ она не достигаетъ большихъ размѣровъ, потому что ее сильно истребляютъ. Здѣсь же на многихъ деревьяхъ мы встрѣчили плющъ, обвивающій деревья почти до самыхъ вершинъ.

Верстахъ въ 6—7 отъ станицы, на лѣвомъ берегу Цепе, есть склоны, покрытые рѣдкими, но очень стройными березками среднихъ размѣровъ. Ихъ снѣжнобѣлые, прямые стволы очень красиво выдѣляются на нѣжнозеленомъ фонѣ травы, сплошь покрывающей почву въ этой части лѣса. Березы здѣсь вообще не много, но спускаются они очень низко и встрѣчаются по Пшехѣ, ниже станицы Самурской. Очень красиво растетъ здѣсь также осина, стволы которой прямы, какъ стрѣла, лишены вѣтвей на протяженіи сажень 6—7 отъ земли и почти также бѣлы, какъ стволы березы. Лѣсъ въ этихъ мѣстахъ вообще не особенно хо-

ропгъ и крупень. Только нѣкоторыя отдельныя деревья, чаще всего дубы, достигаютъ очень большихъ размѣровъ. Около одной поляны стоять, напримѣръ, два великаны, имѣющіе въ окружности по 3 $\frac{1}{2}$, обхвата (9 $\frac{1}{2}$, аршинъ). Нѣкоторыя груши и чинары также достигаютъ здѣсь порядочныхъ размѣровъ.

Продолжая путь то по лѣсу, то по полянамъ, мы должны были разъ 8 перѣѣхать вбродъ Цеце. Это дѣжалось для того, чтобы избѣжать съ одной стороны крутыхъ спусковъ, а съ другой—топкихъ и грязныхъ мѣстъ. При каждомъ перѣѣздѣ нельзя было не любоваться этой чудной рѣчкой, которая быстро течеть по руслу, сплошь усыпаному бѣлыми округленными камнями изъ очень крѣпкаго известняка. Въ лѣсу, по сторонамъ рѣчки, изъ земли также торчатъ во многихъ мѣстахъ известковыя скалы.

Пробѣхавъ по лѣсу слишкомъ 2 $\frac{1}{2}$, часа, мы выбрались, наконецъ, на очень большую поляну, заросшую частью густымъ, высокимъ папоротникомъ, частью довольно порядочной травой. Это послѣдняя по Цеце поляна, которая отстоитъ отъ Самурской верстъ на 15 и расположена выше ея футовъ на 600. За нею тянутся уже сплошные лѣса, простирающіеся до самыхъ алпійскихъ луговъ. На полянѣ мы рѣшили дать отдохнуть нашимъ лошадямъ и хорошенько покормить ихъ, такъ какъ впереди нельзя было найти травы на протяженіи часовъ четырехъ труднаго пути.

Пока лошади паслись, я съ своимъ проводникомъ—Трофимомъ отправился на Цеце ловить рыбу. Направляясь къ рѣкѣ, мы замѣтили на полянѣ множество медвѣжьихъ слѣдовъ, а кроме того по тропгъ, пробитой этими же животными, нашли мѣсто, где трава была сильно прията и залита кровью. Ни шерсти, ни перьевъ, ни костей здѣсь не оказалось, поэтому мы и не могли узнать, кого именно схватилъ медвѣдь въ этомъ мѣстѣ.

Вода въ Цеце, около поляны, имѣла температуру въ 11 $\frac{1}{2}$, °С. Изъ рыбъ мы нашли въ ней только форель; впрочемъ, другая рыба и не водится. Что-же касается форели, то ея оказалось въ Цеце настолько много, что мы поймали часа за 2—14 штукъ этихъ красивыхъ рыбокъ. Только одна изъ нихъ имѣла въ длину 11 $\frac{1}{2}$, дюймовъ, а прочія были значительно меньше. Трофимъ говорилъ мнѣ, что прежде попадались здѣсь экземпляры около аршина въ длину и фунтовъ въ 6—7 вѣсомъ; другой же мой проводникъ уверялъ, что одну такую форель онъ поймать здѣсь не

давно. Но вообще такие крупные экземпляры въ этихъ мѣстахъ представляютъ теперь большую рѣдкость; ихъ можно однако встрѣтить гораздо чаще въ верховьяхъ Цеце, гдѣ она течетъ въ глубокомъ скалистомъ ущельѣ.

Относительно здѣшней форели я замѣтилъ еще, что окраска ея въ большинствѣ случаевъ бываетъ замѣтно свѣтлѣе, чѣмъ у форели другихъ кавказскихъ рѣкъ, напр. даже Бѣлой, отстоящей отсюда лишь на полсотни верстъ, но имѣющей дно, усыпанное темными камнями. Эта особенность выработалась по всей вѣроятности путемъ борьбы за существованіе, въ связи съ бѣлымъ цвѣтомъ камней, покрывающихъ все дно Цеце.

Съ поляны открывается живописный видъ на окружающія долину Цеце горы. На востокѣ, за рѣкою, поднимается крутой, постепенно повышающейся къ югу хребетъ, который раздѣляеть долины Цеце и Куржиса. Почти весь онъ покрытъ густымъ лѣсомъ, внизу лиственнымъ, а на верху хвойнымъ. Между деревьями во многихъ мѣстахъ выступаютъ здѣсь отвѣсныя скалы. Особенно большихъ размѣровъ онѣ достигаютъ тамъ, гдѣ долина, сильно съуживаясь и превращаясь въ ущелье, поворачивается на юго-востокъ. Въ южной своей части этотъ хребетъ поднимается до высоты не менѣе $6\frac{1}{2}$, или 7 тысячъ футовъ; тамъ вершины его освобождаются отъ лѣса, который замѣняется альпійскими лугами. На югѣ и западѣ отъ поляны также видны горы, но онѣ покрыты сплошными лѣсами. Особенно красиво выглядываютъ на нихъ гигантскія пихты, растущія по самыи высокимъ карнизамъ и гребнямъ.

Отдохнувъ на полянѣ съ полчаса, я предпринялъ небольшую прогулку по Цеце къ тому мѣсту, гдѣ долина ея съуживается и дѣлаетъ упомянутый уже поворотъ къ юго-востоку. Она здѣсь совершенно измѣняетъ свой характеръ: по берегамъ рѣки начинаютъ громоздиться скалы, на днѣ ея, рядомъ съ обыкновенными рѣчными валунами, появляются огромныя каменные глыбы, свалившіяся сюда съ ближайшихъ кручь, а рѣка покрывается множествомъ водопадовъ. Въ этомъ мѣстѣ узкое ущелье, также почти сплошь покрытое зеленью, выглядываетъ еще красивѣе и живописнѣе. Мой проводникъ, Трофимъ, и въ этомъ мѣстѣ въ короткое время поймалъ десятка полтора форелей, а я, осматривая берега Цеце, вспугнулъ двухъ великолѣпныхъ зимородковъ, нѣсколько штукъ оляпокъ и нашелъ густыя пальмовые заросли.

многія деревца которыхъ достигали вершковъ 2 въ диаметрѣ и аршинъ 7 въ высоту. Почти всѣ они росли здѣсь на каменистыхъ кручахъ.

Долина Цепе замѣчательна еще въ климатическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ этой мѣстности дожди не выпадаютъ такъ часто, какъ здѣсь. Едва только на Оштенѣ и его высокихъ, обращенныхъ къ сѣверу, отрогахъ появляются болѣе или менѣе значительные массы тучь, какъ тотчасъ онѣ начинаютъ спускаться въ долину Цепе, ползутъ по ней все дальше и дальше внизъ, и въ концѣ концовъ разряжаются сильнымъ дождемъ. Высокая, съ широкой голой вершиной гора, поднимающаяся между долинами Шхеши и Цепе до высоты 8000 футовъ надъ уровнемъ моря и известная, какъ я уже говорилъ, у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Нагой-коша, какъ-то особенно привлекаетъ къ себѣ тучи. На ней раньше, чѣмъ на другихъ горахъ, появляются облака, которыя, стущаясь и разростаясь все больше и больше, превращаются въ грозныя тучи, обливающія дождемъ окрестныя горы и ущелья. По этой причинѣ Нагой-кошъ мѣстными жителями и называется „дождевой фабрикой“. Всѣдѣствіе обилия влаги и очень частыхъ дождей, особенно вначалѣ лѣта, самурцамъ только въ самые сухіе годы удается въ долинахъ Цепе благополучно сложить сѣно въ стога и убрать хлѣбъ; обыкновенно же болѣе половины скосеннаго здѣсь сѣна сгниваетъ еще въ рядахъ и конинахъ. За то какая богатая растительность покрываетъ эту долину! Букъ и особенно пихта въ верхней части ущелья образуютъ, въ полномъ смыслѣ, дремучіе лѣса, а въ нижней—папоротники, ломоносъ и ожина (*Rubus discolor*)—почти не проходимыя заросли. Въ этомъ же ущельѣ, какъ я упоминалъ раньше, растетъ *Rhododendron ponticum*, требующій чисто морскаго климата. Зимою, конечно, здѣсь выпадаетъ также много снѣга, какъ лѣтомъ дождя. По этой причинѣ въ верхнюю половину долины Цепе въ это время года нѣть никакой возможности пробраться, а на окружающихъ ее горахъ во всѣхъ значительныхъ углубленіяхъ лежать въ теченіе цѣлаго лѣта огромные сугробы снѣга.

Влажная лѣсистая долина Цепе по богатству растительности и по ея характеру замѣтно отличается даже отъ сосѣдней съ нею и лежащей еще западнѣе долины Шхеши. Въ послѣдней поляны тянутся почти вдоль всего теченія рѣки и нѣкоторыя изъ

нихъ достигаютъ довольно большихъ размѣровъ; долина же Цеце заросла чуть не сплошнымъ лѣсомъ. Сосна въ долинѣ Цеце отсутствуетъ почти совершенно, тогда какъ по Пшехѣ есть мѣста, гдѣ она попадается довольно часто. Жасминъ и *Staphylea pinnata* L., любящіе не особенно влажныя и болѣе или менѣе солнечныя мѣста, растутъ въ изобиліи въ долинѣ Пшехи и почти совершенно не всрѣчаются въ долинѣ Цеце.

Съ той, послѣдней въ долинѣ Цеце, поляны, гдѣ нами было сдѣланъ привалъ, мы отправились въ горы, чтобы побывать на Оштенѣ, Нагой-кошѣ и сосѣдніхъ съ ними мѣстахъ. Дорога отъ поляны тянулась почти прямо на югъ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Цеце, а потомъ поворачивала на юго-востокъ. Вдоль нея и здѣсь попадались брошенные на произволъ судьбы чрезкескіе садики, въ которыхъ росла алыча, сливы, черносливъ, а кое-гдѣ яблони и груши. Въ одномъ садикѣ мы нашли крупныя, но не зрѣлые еще, очень хорошия раннія сливы. Деревья, на которыхъ онѣ росли, оказались страшно изуродованными медвѣдями: вѣтви на нихъ были поломаны, стволы расщеплены, а недозрѣвшіе плоды съѣдены. Еще выше у самой дороги намъ попадалось довольно много лѣсныхъ черешенъ, и почти на каждой изъ нихъ можно было видѣть слѣды медвѣжьихъ похожденій. На деревья, имѣющія вершковъ 6—7 въ диаметрѣ и лишенныя на протяженіи сажень 5—6 вѣтвей, медвѣди взбирались повидимому совершенно свободно и, усаживаясь на самой верхушкѣ, обламывали вѣтви и обѣдѣвали съ нихъ плоды. На нѣкоторыхъ черешняхъ оставались даже вблизи верхушекъ кучи наваленныхъ медвѣдемъ вѣтвей съ неуспѣвшими еще завянуть листьями. Здѣсь же, подъ деревьями, трава была совершенно выбита и замѣчалось много свиныхъ и медвѣжьихъ слѣдовъ. Отпечатки огромныхъ медвѣжьихъ лапъ мы видѣли и на грязи той дороги, по которойѣ хали. По всему было замѣтно, что дичи здѣсь водится не мало.

Пробывъ въ пути около двухъ часовъ, мы начали спускаться въ довольно пологую и не особенно глубокую балку. Шумъ, доносившійся со дна ея, указывалъ на существованіе въ ней не большой рѣчки. Дѣйствительно, сдѣлавъ еще сажень сто, мы увидѣли ее. Это необыкновенно красивый горный потокъ, шириною шаговъ въ 15, который за поразительно-прозрачную, чистую, какъ хрусталь, и покрытою во многихъ мѣстахъ бѣлой пѣной воду, получиль у самурцевъ название Серебрячки. Она съ шумомъ

катить по каменистому дну свои чудные волны; вдоль берега ея растут хвощи, папоротники, мать-мачиха и чумной корень (*Petasites*) съ листьями болѣе аршина въ диаметрѣ и другія травы, а надъ ними темной стѣной высится сверху до низу одѣтый въ зелень дремучій пихтовый лѣсъ. Серебрячка получаетъ въ немъ и свое начало, впадаетъ же въ Цепе. Вся длина ея не превосходитъ, вѣроятно, 15 верстъ, а температура воды равняется + 8° С.

Жители Самурской еще до моей поѣздки въ горы сообщили мнѣ, что недалеко отъ Серебрячки, среди дремучаго лѣса, у жившихъ здѣсь до покоренія Кавказа горцевъ были построены сараи съ печами, въ которыхъ изъ руды, добываемой въ горахъ, выплавлялось серебро. По словамъ самурцевъ остатки этихъ построекъ, кучи угля и какихъ-то камней сохранились здѣсь и до сихъ поръ. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть это мѣсто и захватить съ собою шлаковъ или руды, чтобы по нимъ узнать, дѣйствительно здѣсь выплавлялось серебро. По этой причинѣ я попросилъ проводниковъ своихъ свернуть съ дороги и указать мнѣ мѣсто, гдѣ, какъ они увѣрили, находился построенный горцами заводъ. Мѣсто это было отыскано довольно скоро и на немъ, какъ я лично убѣдился, дѣйствительно сохранились остатки какой-то плавильни или маленькаго завода. Здѣсь валялось довольно много обгорѣлыхъ бревенъ и, кроме того, были разбросаны по землѣ кучи угля и шлаковъ. Нѣсколько кусковъ этихъ послѣднихъ я захватилъ съ собою и, будучи увѣренъ, что всѣдѣствіе несовершенства обработки въ нихъ останутся еще металлическія начала, подвергъ анализу, который и открылъ въ нихъ присутствіе мѣди и цинка. Вѣроятно, изъ этой руды выплавляли не серебро, а мѣдь. Гдѣ добывалась эта руда, остается теперь тайной. Самуры, основываясь на разсказахъ тѣхъ горцевъ, которые прежде жили здѣсь, а послѣ покоренія Кавказа переселились на плоскость, утверждаютъ, что руда добывалась недалеко отъ завода, именно на горахъ, возвышающихся по лѣвому берегу Пшехи; мнѣ же это указаніе кажется мало вѣроятнымъ, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ всѣ горы состоятъ изъ осадочныхъ, известковыхъ породъ, а не кристаллическихъ, которыя обыкновенно заключаютъ въ себѣ руды.

Болѣе или менѣе сносная дорожка тянулась только до Серебрячки, на противуположной же сторонѣ ея она превратилась

въ узкую, мѣстами даже едва замѣтную тропинку. По этой причинѣ мы нѣсколько разъ теряли ее и не безъ труда отыскивали снова. За-то лѣсъ становился здѣсь все величественнѣе и величественнѣе. Прямая, какъ стрѣла, пихты достигаютъ въ этомъ мѣстѣ трехъ и даже трехъ съ половиною обхватовъ въ толщину при высотѣ аршинъ въ 70 или 80 и имѣютъ видъ исполинскихъ колоннъ, убранныхъ зеленью. Буковыя деревья выростаютъ почти до такихъ-же громадныхъ размѣровъ и представляются гигантскими свѣтло-сѣраго цвѣта столбами, только на самомъ верху увѣнчанными вѣтками. Липа, кленъ, ясень и вязъ (*Ulmus campestris*) также достигаютъ здѣсь трехъ аршинъ въ діаметрѣ, но попадаются сравнительно рѣдко. Между этими исполинами, полными еще жизни и свѣжести, стоять и такие, которые отжили свой вѣкъ, лишились листьевъ, вѣтвей, верхушекъ и даже коры; многие изъ нихъ, продержавшись такимъ образомъ вѣроятно не менѣе десятка лѣтъ, свалились на землю и лежать, питая своимъ бреннымъ тѣломъ разные мхи, лишайники, грибы и травы.

Въ этомъ же лѣсу по землѣ всюду стелется падубъ (*Plex aquifolium*), вѣчнозеленый, съ жесткими иглистыми листьями кустарникъ. Рододендроны, вмѣстѣ съ густымъ пихтовымъ молоднякомъ, образуютъ почти непроходимыя заросли, въ которыхъ зимою чаще всего скрываются дикия свиньи и другіе звѣри. Здѣсь росло много гелеборусовъ, огромное количество недотроги (*Impatiens nolitangere*), изрѣдка попадался *Paris quadrifolia*, котораго въ другихъ мѣстахъ Кавказа я почти не встрѣчалъ.

Отъѣхавъ отъ Серебрячки верстѣ пять, мы попали на берегъ другой, также очень красивой горной рѣчки, которая по своей величинѣ и по виду очень напоминаетъ Серебрячку, но отличается отъ нея болѣе холодной водой и гораздо болѣе быстрымъ теченіемъ. Усыпанная безчисленнымъ множествомъ бѣлыхъ и блестящихъ, какъ серебро, водопадовъ, она, прыгая съ камня на камень, съ шумомъ несется по тѣнистому ущелью между высокими, густыми, темнозелеными пихтами. Эта рѣчка не имѣеть названія, впадаетъ въ Цепе, а получаетъ начало верстахъ въ 5 отсюда на горныхъ лугахъ.

Переѣхавъ рѣчку, мы должны были еще цѣлый часъ пробираться по густому пихтовому лѣсу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намъ приходилось даже прорубать его топоромъ или кинжаломъ, такъ какъ тропинка, проходившая по нему, оказалась совершен-

но заросшей. Я забылъ сказать, что и раньше мы должны были нѣсколько разъ сѣзать съ лошадей и пробираться по лѣсу пѣшкомъ; на послѣднихъ же верстахъ 3—4 тропинка сдѣлалась такой плохой, что ѿхать по ней нельзя было вовсе. Кое-гдѣ она была завалена огромными свалившимися деревьями, которая приходилось каждый разъ обѣжать. Не рѣдко встрѣчалась на ней порядочная грязь и лужи воды; въ одной изъ нихъ мы замѣтили свѣжую лежкку огромнаго кабана, который въ этой безлюдной мѣстности не побоялся отдыхать даже на самой дорогѣ. Проѣзжая еще выше, именно саженяхъ въ 200 отъ упомянутой лужи, мы вдругъ услышали влѣво отъ тропинки сильный шумъ и трескъ сухихъ вѣтвей, произведенные по всей вѣроятности медвѣдемъ, который отдыхалъ у самой тропинки и былъ потревоженъ нами.

Проѣхавъ еще съ полверсты, мы увидѣли, наконецъ, послѣ непрерывнаго пяти-часового странствованія по лѣсу, впереди себя просвѣтъ между деревьями, указавшій на то, что лѣсъ долженъ скоро кончаться, а спустя еще нѣсколько минутъ показались намъ и горные луга. Съ этого мѣста тропинка начала еще круче подниматься въ гору, извиваясь то по осыпямъ, то по уступамъ известковыхъ скаль, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ представляла настоящую лѣсницу со ступенями, высотою почти въ аршинъ. На нихъ не легко было вѣзираться намъ самимъ, а еще труднѣе нашимъ лошадямъ. По сторонамъ тропинки и здѣсь во многихъ мѣстахъ стояли столѣтнія пихты, а между ними росли кусты смородины и таволги (*Spiraea crenata*). Въ это время очень красивая картина открылась вправо отъ насть. Мы шли по крутымъ откосамъ лѣвой стороны глубокаго ущелья, причемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей тропинки начиналась пропасть, бока которой состояли изъ скаль, а дно было покрыто густымъ высокоствольнымъ пихтовымъ лѣсомъ. Съ противоположной стороны ущелья также поднимались высокой стѣной крутыя, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже отвѣсныя свѣтло-серые скалы, образующія нѣсколько параллельныхъ ярусовъ, высотою въ цѣлые десятки саженъ. Во многихъ мѣстахъ и на ихъ отвѣсныхъ уступахъ красовались растущія то въ одиночку, то небольшими группами огромныя стройныя пихты, а надъ самой вершиной скаль находилась довольно обширная площадь, покрытая почти сплошнымъ лѣсомъ. Внизу, на днѣ пропасти, прыгая съ уступа на уступъ, неслася та самая рѣчка, которую мы недавно перѣѣхали въ лѣсу.

Взобравшись на последнюю террасу, мы очутились наконецъ на горномъ лугу, вдававшемся въ лѣсъ на подобіе длинной и довольно широкой поляны. Строго говоря, это мѣсто нельзя еще рассматривать какъ настоящій субальпійскій лугъ, потому что оно лежитъ значительно ниже, чѣмъ обыкновенно такие луга, именно на высотѣ около 4600 ф. надъ ур. моря, и кромѣ того покрыто главнымъ образомъ не типичными для нихъ травами. Правда, на немъ попадалось не мало аконита, росла кое-гдѣ букавица (*Betonica grandiflora*), но преобладающими растеніями были конскій щавель и различная зонтичныя, свойственная скорѣе лѣснымъ поланамъ, чѣмъ горнымъ лугамъ. Наконецъ, на этихъ же покрытыхъ высокими травами лѣсахъ стояли кое-гдѣ такія крупныя ($1\frac{1}{2}$ —2 обхватовъ въ толщину) пихты, какихъ на настоящихъ горныхъ лугахъ быть не можетъ. Здѣсь же попадались небольшія, имѣющія видъ кустарниковъ, сосны, составляющія, какъ уже было сказано, рѣдкость въ этой долинѣ.

Мѣстность, окружающая поляну, тоже очень красива. Съ восточной стороны тянулся здѣсь небольшой пологій гребень; густой пихтовый лѣсъ покрывалъ вершину и склоны почти до самаго основанія и окаймлялъ поляну высокой темно-зеленої стѣнкой. Другой гораздо большій хребетъ поднимался на западѣ; онъ продолжался далеко на югъ, становясь постепенно все выше и выше. Внизу склоны его были покрыты зелеными лугами, на которыхъ стояли рѣдкія одинокія пихты; выше этихъ луговъ видны были густыя заросли изъ березы, рябины, калины-гордовины и граба, а за ними снова растягивались луга съ разбросанными по нимъ небольшими группами скаль. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ поперекъ этого склона тянулись узкія, но довольно длинныя ленты снѣга, уцѣльвшаго еще отъ самой зимы. Наконецъ, въ полсотни сажень отъ насы находилась не особенно большая впадина, и въ ней два огромныхъ родника. Они давали такую массу воды, что изъ нихъ здѣсь же образовалась довольно большая рѣчка, именно та самая, о которой уже упоминалось два раза. Вначалѣ, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ сажень, она несетъ по открытому мѣсту и образуетъ множество водопадовъ. Замѣчательно, что эта часть рѣчки довольно порядочно видна даже изъ Самурской станицы, отстоящей отъ нея болѣе, чѣмъ на 30 верстъ; она представляется оттуда въ видѣ узкой свѣтлой ленточки, извивающейся вдоль горныхъ луговъ вблизи опушки лѣса. Вода въ ней

оказалась на столько холодной, что пить ее было почти невозможно. Температура ея равнялась всего лишь $4\frac{1}{2}^{\circ}$ С.

Эта мѣстность интересна еще въ томъ отношеніи, что сохранила на себѣ ясные слѣды существованія ледниковъ въ прежнія времена. Даже при первомъ взглядѣ на нее не можетъ не броситься въ глаза особенность ея рельефа, а именно присутствіе множества бугровъ и пологихъ валовъ, раздѣленныхъ впадинами. Большая часть ихъ тянется въ поперечномъ направленіи къ самой долинѣ и должно быть разсмотриваемо какъ цѣлая система конечныхъ моренъ ледника, существовавшаго здѣсь въ прежнія времена. Наиболѣе значительный изъ моренъ лежать на высотѣ около 5000 фут. надъ уровнемъ моря, простираются же онѣ внизъ по долинѣ до того крутого уступа, за которымъ начинается уже сплошной пихтовый лѣсъ, т. е. до высоты въ $4\frac{1}{2}$, тысячи футовъ. Выше этихъ мѣсть морены легко могутъ быть прослѣжены; но, основываясь на томъ, что въ другихъ мѣстахъ Кавказа ледниковый періодъ оставилъ такъ много самыхъ ясныхъ, очевидныхъ слѣдовъ, которые нисходяще до высоты 2000 фут. и ниже, — надо полагать, что и здѣсь ледники въ прежнія времена спускались въ долины гораздо дальше, чѣмъ до $4\frac{1}{2}$, или 5 тысячъ футовъ. Подтвержденіемъ тому, пожалуй, могутъ служить тѣ большія, похожія по своему виду на морены, груды камней, которыя я встрѣтилъ верстахъ въ трехъ ниже поляны еще во время шутешествія по лѣсу, но о происхожденіи которыхъ не могъ составить себѣ опредѣленного понятія. Я уже говорилъ, что въ этой мѣстности на очень большомъ пространствѣ нѣть вовсе такихъ твердыхъ горныхъ породъ, которыя могли бы долго противостоять разрушительному дѣйствію воды, воздуха и другихъ агентовъ; поэтому здѣсь не могли сохраняться въ теченіе тѣхъ многихъ вѣковъ, которые протекли со времени ледникового періода, такие слѣды движенія ледниковъ, какъ цараницы, шлифованныя или курчавыя скалы, барабаны лбы и т. д. Миѣ самому вовсе не приходилось встрѣчать ихъ въ мѣстахъ подобныхъ описываемому, хотя моренные образованія въ видѣ грядъ или валовъ, легко узнаваемыхъ по формѣ и положенію, я находилъ здѣсь всюду на высотахъ около 5000 фут. и болѣе. Только на Оштенѣ, вблизи его небольшихъ глетчеровъ, можно видѣть вполнѣ типичныя цараницы и шлифованные скалы, произведенные льдомъ лишь въ весьма недавнее время. Замѣчу еще, что на всѣхъ скалахъ, которыхъ

въ течениі большой части года и теперь остаются подъ снѣговомъ покровомъ, видны слѣды стирания, произведенный снѣгомъ, но гораздо болѣе слабые и поверхностные, чѣмъ тѣ, которые встречаются на мѣстахъ, бывшихъ подъ льдомъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ родника мы рѣшили сдѣлать привалъ; но такъ какъ до сумерокъ оставалось еще часа два, то условились отправиться на охоту, съ цѣлью убить что-нибудь и запастись на нѣкоторое время мясомъ. Пролазивши часа полтора по тому крутому гребню, который возвышался къ западу отъ насъ, я видѣлъ на немъ только медвѣжьи слѣды и тропы, но ни медвѣдей ни другихъ звѣрей не встрѣтилъ вовсе. Наконецъ, когда всѣ мы, возвращаясь назадъ, уже подходили къ своей стоянкѣ, вдругъ съ горы раздался какой-то ревъ и рыканіе. Мы взглянули на гору и срѣзу увидѣли трехъ медвѣдей. Одинъ изъ нихъ былъ очень большого роста и свѣтло-сѣрой масти, другой темно-бурый и среднихъ размѣровъ, а третій маленький, свѣтло-рыжий. Они ходили по склону той крутой горы, съ которой мы только что спустились, и притомъ съ немалыми затрудненіями. Мне не хотѣлось снова карабкаться на нее, тѣмъ болѣе, что я не былъ увѣренъ въ томъ, что доберусь до медвѣдей засвѣтло, или что они не скроются куда-нибудь, пока я буду лѣзть на гору. Вместо меня отправился одинъ изъ моихъ проводниковъ; онъ подкraлся къ медвѣдямъ довольно близко, одного изъ нихъ ранилъ, но не имѣлъ возможности добить, такъ какъ медвѣдь полѣзъ въ такую чашу, куда слѣдовать за нимъ было опасно.

Вечеромъ мы разбили палатку и, напившись чаю, улеглись въ ней спать. Не смотря на то, что она довольно хорошо защищала насъ отъ вѣтра, я чувствовалъ, что ночь была холодна; еще холоднѣе сдѣлалось на разсвѣтѣ. Когда мы предъ восходомъ солнца вышли изъ палатки, то на травѣ кое-гдѣ блестѣль иней; крошечный ручеекъ, находившійся недалеко отъ нашей стоянки, пересталъ течь, а оставшееся отъ него лужицы воды подернулись слоемъ льда, линіи въ 3 толщиною. Температура воздуха равнялась, однако, въ это время -5° С., трава же и вода охладились такъ сильно, очевидно, вслѣдствіе лучеиспусканія, которому способствовали ясное небо и рѣдкій воздухъ. Не смотря на такое сильное охлажденіе, росы или инея на травѣ почти не оказалось, причиной чему былъ сильный вѣтеръ, дувшій по долинѣ въ теченіи всей ночи; въ котловинахъ же, защищенныхъ отъ вѣтра, трава

была покрыта толстымъ слоемъ инея. Замѣчу, что все это происходило въ самомъ концѣ юна на высотѣ 4620 фут. надъ уровн. моря. Рано утромъ до насъ со всѣхъ сторонъ доносились прекрасное пѣніе бѣлозобыхъ дроздовъ. Повидимому оно было еще въ половинѣ разгарѣ. Часомъ позднѣе я слышалъ здѣсь же крикъ нѣсколькихъ кукушекъ, а пѣвочки кричали почти не переставая во всѣхъ направленіяхъ отъ насъ.

День спустя, часовъ въ 5 утра, мы оставили нашу стоянку и двинулись въ путь. Вначалѣ намъ надо было подвигаться вдоль поляны, почти прямо на югъ, а потомъ, пробѣгавши версты $1\frac{1}{2}$, или 2, свернуть влѣво, на востокъ. Здѣсь мы должны были лѣзть на гору, пробираясь черезъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ которомъ всюду были навалены скрытые отъ глазъ груды острыхъ камней. Лошади наши, ступая на нихъ, безпрерывно спотыкались и нѣсколько разъ чуть не падали. Мы должны были все это пространство пройти пѣшкомъ и помучиться не меньше, чѣмъ наши лошади. Намъ мѣшали не только камни, на которыхъ можно было упасть и даже сломать себѣ ногу, но и высокий бурьянъ, сильно препятствовавшій подниматься на гору и кромѣ того обдававшій насъ цѣлыми потоками холодной, какъ ледъ, росы. Влѣво, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ и здѣсь тянулись пихтовый лѣсъ, а вправо находились многія заросли изъ граба, калины-гордовины, рябины и березы. Извѣдко попадались старыя, довольно толстые, но очень низкорослые деревья тиса.

Часовъ въ 7 утра мы выбралисъ на настоящіе горные луга, гдѣ вместо бурьяновъ и сорныхъ травъ, поподавшихся намъ раньше, раскинулся пестрый коверъ изъ безчисленнаго множества красивыхъ цвѣтовъ. Это мѣсто, гдѣ лѣса уже совершенно исчезли и на всѣхъ хорошо освѣщенныxъ солнцемъ мѣстахъ появились богатыя цвѣтами алпійскіе луга, начиналось по моему опредѣленію съ высоты около $5\frac{1}{2}$, тысяча фут. надъ ур. моря. Здѣсь росла *Betonica grandiflora*, множество астраницій, истодовъ (*Polygonata*), гераней, генцианъ, красиваго малиноваго клевера и различныхъ сложноцвѣтныхъ.

Но на этой же высотѣ въ тѣнистыхъ мѣстахъ, ямахъ и котловинахъ росли еще бурьяны, вышинаю болѣе, чѣмъ въ поясъ человѣка. Замѣчательно, что въ этой мѣстности на горныхъ лу-

гахъ совершенно не попадаются рододендроны, которые, вообще говоря, встречаются здесь очень часто и имѣютъ очень обширное, вертикальное распространение. Ихъ много, напр., у самой станицы Самурской и поднимаются они отсюда черезъ всѣ лѣса до верхней границы ихъ, но ее уже не преступаютъ. Замѣчу, еще, что неособенно далеко отъ этихъ мѣстъ, именно въ верховьяхъ Лабы, рододендроны образуютъ на горныхъ лугахъ сплошные заросли, простирающіяся на цѣлые версты; такие-же заросли ихъ встречаются на всѣхъ горныхъ лугахъ къ востоку отъ названной мѣстности, до самой Воениногрузинской дороги включительно; въ бассейнѣ же Пшехи ихъ нѣтъ вовсе.

Луга, по которымъ приходилось намъ продолжать путь, также были усыпаны торчащими изъ земли сѣрыми известковыми камнями; но здесь они, благодаря отсутствію бурьяна, были на виду и, кромѣ того, не такъ крупны, поэтому не помѣшили намъѣхать верхомъ. Только на особенно крутыхъ мѣстахъ мы должны были спѣшиваться здесь и вести лошадей на поводахъ. Тропинки здесь не существовало вовсе, и мы, придерживаясь юго-западнаго направленія и выбирая болѣе удобныя и ровныя мѣста, поднимались все выше и выше. Вправо отъ насъ мѣстность, постепенно повышаясь, сливалась мало по малу съ куполообразной вершинной Нагой-коша; влево-же она понижалась до тѣхъ поръ, пока не доходила до высокаго скалистаго уступа, который составляетъ лѣвый бокъ ущелья Цеце. Съ этого уступа открывается красивый видъ на ущелье, вверху крутое и скалистое, а внизу покрытое дремучими лѣсами, состоящими изъ пихты, ясеня, березы и нѣкоторыхъ другихъ древесныхъ породъ.

Совершенно особенный рельефъ имѣла мѣстность, по которой мы проѣзжали. Вся она усыпана воронко-образными, часто довольно правильными ямами, имѣющими сажень 20 или 30 въ диаметрѣ и глубину иногда сажень въ 10. Нѣкоторыя изъ этихъ ямъ заросли бурьяномъ, при чёмъ только самое дно ихъ было загромождено кучами камней; въ другихъ на днѣ лежала снѣгъ, и вблизи его только что начинала пробиваться изъ земли травка; наконецъ, третыи, расположенные сравнительно высоко надъ ур. моря, были набиты снѣгомъ почти до самыхъ краевъ. Происхожденіе этихъ ямъ надо приписать, по всей вѣроятности, тому, что снѣгъ, выпадающій здесь въ огромномъ количествѣ, наполняетъ зимою до верху всѣ, даже самыя небольшія углубленія, лежитъ

Такъ какъ у насъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не было вовсе мяса, то я рѣшилъ хотя половину дня посвятить охотѣ и постараться во что бы то ни стало добыть дичи. 4 или 5 штукъ сернъ мы видѣли еще въ то время, когда только подъѣзжали къ скаламъ, но онѣ замѣтили насъ и быстро скрылись; поэтому я рѣшилъ отправиться на охоту пѣшкомъ версты за 3 или за 4 на тотъ высокій гребень, который тянулся отъ скаль на сѣверо-востокъ. Онъ возвышается въ южной своей части до 8000 фут. надъ уровнемъ моря, а по направлению къ сѣверу постепенно понижается. Западный склонъ его покрытъ горными лугами, на которыхъ кое-гдѣ торчатъ скалы, а въ одномъ мѣстѣ лежитъ довольно порядочное сибирское поле. Гребень этотъ ограничивается съ лѣвой стороны ущелье Цепе въ его верхней части, и съ него открывается чудный видъ не только внизъ, въ глубокое ущелье, но и на болѣе или менѣе далекія горы. Ущелье Цепе представляетъ дивную картину. Это—пропасть, имѣющая не менѣе 3 или 4 тысячи футовъ глубины и заключающая въ себѣ цѣлый лабиринтъ скалъ, крутыхъ балокъ, овраговъ, пещеръ и карнизовъ, покрытыхъ зеленою травой. По дну ея течетъ довольно большая горная рѣчка, которая представляется сверху извилистой свѣтло-зеленою ленточкой. По обѣимъ сторонамъ ея тянутся узкія полоски березовыхъ зарослей, а тотчасъ за ними поднимаются почти отвесной стѣной скалы, покрытыя рѣдкими пихтами. Еще выше склоны ущелья дѣлаются болѣе пологими и представляютъ необыкновенно красивое сочетаніе лѣсовъ, осипей скалъ и травянистыхъ откосовъ. Наконецъ исчезаютъ и лѣса, замѣняясь горными лугами, по которымъ тянутся сверху внизъ то обрывистыя балки, то длинные зубчатые гребни.

Съ вершины же этого кряжа открывается и восточная вершина Оштена, которая отстоитъ отсюда не болѣе какъ на 10—12 верстъ и потому видна очень отчетливо. Притупленная, широкая и разорванная спускающимися съ нея въ разныхъ направленияхъ ущельями, она во многихъ мѣстахъ покрыта вѣчными сибірами. Особенно оригинально выглядываетъ самый восточный отрогъ этой горы, состоящій изъ безчисленныхъ уступовъ полосатыхъ известковыхъ скалъ. Скалистымъ ущельемъ, имѣющимъ глубину тысячи въ двѣ футовъ и длину въ нѣсколько верстъ, восточная вершина Оштена отдѣляется отъ западной, которая видна отсюда лишь отчасти. Значительно дальше, на востокъ, бле-

стѣли еще одѣтыя полупрозрачной дымкой скалистыя, зубчатыя вершины, которыхъ были покрыты во многихъ мѣстахъ снѣгомъ. Это Шугусь и Абаго, возвышающиеся въ верховьяхъ рѣки Бѣлой.

На этомъ гребнѣ мнѣ пришлось стрѣлять по двумъ сернамъ и одну изъ нихъ убить. Другую убить мой проводникъ, но она свалилась въ такую процасть, изъ которой достать ее было невозможно. Уже въ сумерки едва-едва мы дотащились до стоянки, принесли серну и тотчасъ занялись приготовленіемъ ужина изъ ея мяса. Будучи совершенно свѣжимъ, оно оказалось, однако, страшно жесткимъ и потому невкуснымъ. Еще больше теряетъ оно во вкусѣ, благодаря твердому салу, обладающему свойствомъ застывать при такой температурѣ, при которой сало другихъ животныхъ остается совершенно жидкимъ. Лѣтомъ на солнцѣ имъ невозможно, напр., смазать сапоги, такъ какъ оно даже при такой, относительно высокой температурѣ не мажется, а крошится. Когда приходится есть даже очень горячее мясо серны, то находящееся на немъ сало стынетъ во рту, прилипаетъ къ нѣбу и вызываетъ очень непріятное ощущеніе. Если мясо серны полежитъ для 2—3, то дѣлается болѣе мягкимъ, сочнымъ, а потому гораздо болѣе вкуснымъ. Замѣчу еще, что какъ по убитой мню въ этотъ день сернѣ, такъ и по тѣмъ, которыхъ попадались въ мои руки впослѣдствіи, я всегда убѣжался, что у нихъ замѣна зимней шерсти лѣтней совершается очень поздно. Даже во второй половинѣ іюля часто попадаются серны съ остатками зимняго волоса, въ іюнѣ же его много на каждой изъ нихъ.

Мѣсто, на которомъ мы расположились, имѣло много неудобствъ. Впервыхъ, находясь на большой высотѣ, вблизи довольно значительныхъ массъ снѣга, оно отличается очень холодными ночами; во вторыхъ, около него вовсе нетъ ни воды, ни дровъ; наконецъ, на немъ, какъ говорили мои проводники, очень часто стоять туманы, которые мѣшаютъ что-либо видѣть вокругъ себя. По этимъ причинамъ мы рѣшили провести здѣсь только одну ночь, а на слѣдующее утро спуститься въ глубокую, широкую балку, находящуюся у подножія того гребня, гдѣ мы охотились за сернами.

На другой день передъ восходомъ солнца было $+4^{\circ}$ С. Еогда стало потеплѣть, я отправился собирать растенія и въ это время встрѣтилъ довольно много бѣлозобыхъ, дроздовъ (*Turdus torquatus*), обыкновенныхъ чеканчиковъ (*Pratincola rubetra*),

горныхъ овсянокъ (*Emberiza cia*); слышалъ крикъ снегирей и видѣлъ двухъ горныхъ тетеревовъ (*Tetrao Mlokosyewitzii*). Послѣдніе, самецъ и самка, поднялись изъ травы у самыхъ ногъ моихъ и, пролетѣвъ сажень 20, снова опустились на землю. Здѣсь за ними никогда не охотятся, поэтому они такъ смиры. Изъ класса присмыкающихся я не нашелъ въ этой мѣстности рѣшительно ничего; нигдѣ не попадались даже горные ящерицы (*Lacerta muralis*, Laur), столь обыкновенные на горахъ Кавказа. Нельзя было не обратить здѣсь вниманія на множество черныхъ жуковъ, которыхъ привлекало къ себѣ мясо серны, лежавшее около палатки. Всѣ они оказались принадлежащими къ сем. жужелицъ, къ родамъ *Carabus* и *Plectes*. Послѣдній, какъ известно, заключаетъ въ себѣ представителей по преимуществу алпійской фауны и его нѣкоторые виды свойственны, какъ кажется, исключительно Кавказу.

Приблизительно въ полдень мы двинулись съ мѣста. Намъ пришлось спускаться съ крутой горы, заросшей бурьяномъ и усыпанной камнями. Большая часть ихъ была испещрена ямами, трещинами и пустотами, ступившись въ которыхъ лошадь каждую минуту могла сломать себѣ ногу. Конечно, весь этотъ путь мы должны были совершить пѣшкомъ, при чемъ около версты прошли по снѣгу, которымъ была засыпана длинная, съ крутыми берегами балка, просигравшаяся на протяженіи версты двухъ вдоль нашего пути. Почти подъ прямымъ угломъ къ ней тянулась другая такая-же; она извивалась между огромными известковыми глыбами и представляла рядъ трещинъ и ямъ, глубина которыхъ доходила мѣстами до нѣсколькихъ сажень. Несмотря на частые дожди, выпадающіе здѣсь, и обиліе снѣга, мы встрѣтили только одинъ небольшой резервуаръ воды, гдѣ можно было напиться. Ни ручьевъ, ни родниковъ не было вовсе, да и резервуаръ находился вблизи большого сугроба снѣга и имъ только питался. Въ немъ мы напоили своихъ лошадей, которые не видѣли воды уже почти двое сутокъ, а довольствовались лишь очень обильной росой, выпадающей каждую ночь, да снѣгомъ. Спустившись на 850 фут. отъ нашей прежней стоянки, мы выбрали мѣстечко вблизи слиянія двухъ упомянутыхъ балокъ и тамъ разбили свою палатку. Съ этого мѣста я думалъ предпринять нѣсколько недалекихъ экскурсій, что-бы заняться наблюденіемъ надъ сернами и вообще познакомиться съ здѣшней фауной.

Избранное нами для стоянки мѣсто находилось на высотѣ 5900 фут. надъ ур. моря и было удалено отъ лѣса версты на полторы; за то вокругъ него разстипалось цѣлое море бурьяна, высотою почти въ ростъ человѣка. Оно состояло изъ аконита, чемерицы, конскаго щавеля, гераней, нѣсколькихъ видовъ лютиковыхъ и т. д. Въ этомъ бурянѣ скрывались миріады оводовъ и огромныхъ слѣпней (*Tabanus ovinus* и *T. giogas*), которые нападали на насъ и страшно мучили нашихъ лошадей, не давая имъ въ теченіе цѣлаго дня ни минуты покоя. Особенно трудно было сѣдлать и навьючивать ихъ, такъ какъ онѣ, желая избавиться отъ докучливыхъ насѣкомыхъ, не стояли на мѣстѣ, махали головой, хвостомъ и отчаянно брыкались. Въ это время не безопасно было даже подходить къ нимъ, такъ какъ онѣ, отбиваясь ногами отъ мухъ, могли неумышленно ударить человѣка. Тучи слѣпней попадали въ нашу палатку и, не зная, какъ вылетѣть оттуда, собирались въ верхней части ея цѣльми сотнями; здѣсь они летали, ползали и жужжали, какъ пчелы въ ульѣ. Этимъ неумолкаемымъ шумомъ, а также и очень чувствительными уколами они намъ надоѣдали ужасно; лошади-же наши, чтобы избавиться отъ нихъ, уходили на снѣгъ и стояли тамъ въ теченіи большей части дня. Холодъ, который вѣяло отъ снѣга, очевидно, прогоняя этихъ несносныхъ тварей. Только утромъ и вечеромъ отдыхали мы и наши лошади, такъ какъ слѣпни въ это время скрывались въ бурянѣ и вылетали изъ него лишь при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Я удивлялся, какъ можетъ такая масса ихъ находить себѣ достаточно пищи въ этихъ мѣстахъ, гдѣ скотъ почти никогда не пасется и гдѣ, кроме дикихъ звѣрей, днемъ всегда тщательно скрывающихся, нѣть животныхъ, кровью которыхъ слѣпни могли-бы питаться; не менѣе странно и то, какъ они выносятъ здѣшній холодъ и въ особенности холодныя ночи, когда температура опускается даже въ срединѣ лѣта до 4 или 5° тепла. Къ концу іюля я встрѣчалъ тучи слѣпней на высотахъ значительно большихъ, гдѣ почти каждую ночь бываетъ мороозъ.

На этой стоянкѣ, расположенной значительно ниже предыдущей, мы слышали много разъ крикъ кукушекъ, перепеловъ, дергачей, а утромъ и вечеромъ здѣсь сотнями голосовъ раздавалось со всѣхъ сторонъ чудное пѣніе бѣлозобыхъ дроздовъ, а также альпійской завиушки (*Accentor alpinus* L.). Въ теченіе цѣлаго дня можно было слышать еще пріятный, мелодичный крикъ

веселыхъ альпийскихъ воронъ (*Fregilus graculus*), вся жизнь которыхъ, по справедливому замѣчанію А. Брѣма, есть безконечная, рѣзкая игра. Онѣ, гонясь другъ за другомъ и выдѣлывая въ воздухѣ легкіе, красивые повороты, безпрерывно носились надъ нашими головами, перелетая съ однѣхъ горъ на другія. Довольно часто попадались также вороны и обыкновенные воронь, а изъ хищныхъ—грифы (*Gyps fulvus*, Gm., *Vultur monachus*, L. и *Nephron percnopterus*, L.), а также обыкновенная пустельга (*Tinamunculus alaudarius*).

Съ этого-же мѣста мы видѣли довольно много сернъ. Онѣ обыкновенно показывались утромъ и вечеромъ на высокомъ гребнѣ, находившемся къ востоку отъ нашей стоянки и отсюда часто направлялись къ довольно порядочному снѣжному полю, расположенному на продолженіи того-же гребня и футовъ на 1000 выше насы. Здѣсь, чувствуя себя въ полной безопасности, онѣ нерѣдко по цѣлымъ часамъ стояли или лежали на снѣгу и смотрѣли на насы. Въ подзорную трубу или бинокль мы также подолгу любовались ими и могли наблюдать каждое движение ихъ. Нѣсколько штукъ сернъ можно было видѣть на этомъ мѣстѣ постоянно. Такимъ образомъ серны жили съ нами въ мирѣ и дружбѣ дня два, но разъ одинъ изъ моихъ проводниковъ, очень плохой стрѣлокъ, вздумалъ поохотиться за ними. Благодаря камнямъ, которые были навалены около снѣжного поля, ему удалось съ берданкой въ рукахъ подкрасться къ сернамъ шаговъ на 50, но и на этомъ разстояніи онъ сдѣлалъ по нимъ промахъ. Испуганные серны опрометью бросились вверхъ и быстро скрылись за гребнемъ горы. Послѣ этого онѣ стали смотрѣть на насъ уже не съ такимъ довѣрѣемъ и рѣже начали посѣщать снѣжное поле.

. Часа въ три пополудни мы отправились на тотъ гребень, гдѣ охотились за сернами наканунѣ. Погода вначалѣ была хорошая, но едва мы успѣли взобраться на вершину гребня, какъ вдали на горахъ стали появляться клубы облаковъ, которые разростались съ каждой минутой все больше и больше. Еще черезъ часъ все небо покрылось тучами, вскорѣ затѣмъ полилъ дождь и насы окружилъ такой густой туманъ, что даже шагахъ въ 20 нельзя было ничего видѣть. Я началъ опасаться, что мы заблудимся, не найдемъ дороги къ палаткѣ и принуждены будемъ провести ночь на дождѣ подъ открытымъ небомъ и безъ теплой одежды. Принимая во вниманіе съ одной стороны сильный вѣтеръ, который ду-

етъ здѣсь каждую ночь, а съ другой—холодъ и наше мокре
платье, мы имѣли, конечно, основаніе опасаться, если не за жизнь,
то по крайней мѣрѣ—за свое здоровье.

Пройдя по гребню довольно порядочное разстояніе и не зная
куда направляться дальше, мы усѣлись подъ нависшой скалой и
стали ждать; пока вокругъ насъ сколько нибудь прояснится; но въ
это время надвинулся такой густой туманъ, что стало почти тем-
но. Съ полчаса сидѣли мы такимъ образомъ, не зная, что пред-
принять, но вдругъ подуло сильный вѣтеръ; онъ сталъ разрывать
на ключья сплошныя массы тумана и уносить его вдалъ. Въ это
время въ нѣсколькихъ шагахъ онъ наѣ какъ будто изъ земли
выросла огромная скалистая гора, о существованіи которой мы
даже не подозрѣвали, а вправо, почти у самыхъ нашихъ ногъ, от-
крылась страшная пропасть, имѣвшая не менѣе 2000—3000 фут-
овъ глубины и поросшая внизу крупнымъ пихтовымъ лѣсомъ, а
на противоположной сторонѣ окаймленная высокимъ скалистымъ
хребтомъ. Читатель догадывается, можетъ быть, что это было
ущелье Цеце, о которомъ уже говорилось раньше, и горы отдѣ-
ляющія его отъ верховьевъ Куржипса. Это ущелье очистилось отъ
тумана лишь отчасти. Особенно много его оставалось у самаго
дна бездны; но и здѣсь вѣтеръ успѣлъ уже до нѣкоторой степени
разорвать его, причемъ черезъ эти исчезающія и появляющіяся
отверстія показывались на страшной глубинѣ то скалы, то тем-
новеленые лѣса. Нѣсколько выше, отдѣльные клубы свинцово-сѣ-
рыхъ облаковъ или быстро неслись вдоль ущелья, или опускались
внизъ, или, наконецъ, поднимались вверхъ, безпрерывно измѣ-
ня свою форму и величину. Все ущелье въ это время какъ буд-
то-бы кипѣло и представляло такой страшный видъ, что смотрѣть
на него безъ содроганія было невозможно.

Несмотря на дурную погоду, я все-таки видѣлъ сернь мѣ-
стахъ въ двухъ, но не охотился за ними. Когда дождь пересталъ
и туманъ болѣе или менѣе разсѣялся, мы отправились къ па-
латкѣ.

Предоставляю читателю судить о томъ, каково было это пу-
тешествіе тотчасъ послѣ сильного дождя по бурьяну, высотою поч-
ти въ ростъ человѣка и притомъ въ довольно холодную погоду.
Доплелся я къ палаткѣ мокрымъ до послѣдней нитки и съ сапо-
гами полными воды.

На слѣдующій день мы отправились опять на тотъ-же гре-

бень, но прошли по нему гораздо дальше къ съверу, гдѣ онъ понижается все болѣе и болѣе. Здѣсь гребень образуетъ тотъ мысъ, у которого долина Цепе, направлявшаяся въ самой верхней своей части почти прямо съ юга на съверъ, дѣлаетъ довольно крутой, не обозначенный на картахъ, поворотъ къ съверо-западу. Этотъ гребень въ болѣе высокой южной части голъ и скалистъ, по мѣрѣ-же удаленія отсюда къ съверу одѣвается все болѣе и болѣе густымъ лѣсомъ. Сначала на немъ появляется береза, рябина и пихта, а потомъ и многія другія лѣсныя породы. Здѣсь въ мѣстахъ, куда человѣку пробраться почти невозможно, на скалахъ поросшихъ кустами и мелкимъ лѣскомъ, мы увидѣли довольно много сернъ-самокъ съ маленькими, въ полъ-аршина ростомъ козлятами. Никогда на голыхъ открытыхъ горахъ въ этой мѣстности я ихъ не встрѣчалъ раньше. Очевидно, самки съ такими молодыми козлятами боятся выходить на чистыя мѣста и выбираютъ глухія, поросшія кустами и лѣсомъ скалы, гдѣ маленькая серна не такъ легко попадаются своимъ врагамъ и гдѣ имъ гораздо легче укрыться отъ опасности. Здѣсь-же мы видѣли и медвѣдя, который ходилъ шагахъ въ 30 отъ сернъ, причемъ эти послѣднія, надѣясь, вѣроятно, какъ на быстроту своихъ ногъ, такъ и на неповоротливость и неуклюжесть медвѣдя, не обращали на него почти никакого вниманія.

Не желая на возвратномъ пути взбираться снова на тотъ гребень, по которому шли рано утромъ, мы взяли вправо и направились вдоль западнаго склона его. Почти весь онъ представлялъ такие крутые откосы, по которымъ можно было пробираться только съ большой осторожностью. Въ особенности опасно было карабкаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кручи были покрыты жесткой, напоминающей волосы, скользкой травой. Здѣсь также торчали изъ земли известковыя скалы, причемъ у многихъ изъ нихъ были выемки, вродѣ неглубокихъ пещеръ.

Въ одномъ мѣстѣ на этомъ косогорѣ мы нашли нѣсколько маленькихъ родниковъ съ пріятной на вкусъ, холодной водой. Пролазивши по горамъ часовъ 7—8 и не встрѣчая нигдѣ воды, которой можно было бы утолить жажду, мы, конечно, очень обрадовались такой находкѣ; но она была для насъ особенно драгоценна еще потому, что мы, въ теченіе почти четырехъ сутокъ, не пили хорошей воды, а довольствовались той мутной и безвкусной, которую получали изъ снѣга, нагревая его въ котлахъ

на огнь или на солнцѣ. Я и мой спутникъ просидѣли около этихъ родниковъ не менѣе получаса и нѣсколько разъ съ наслажденiemъ принимались пить ихъ чистую, пріятную на вкусь воду, а затѣмъ уже отправились къ своей стоянкѣ.

На слѣдующее утро я остался у палатки, а оба мои проводника пошли въ ущелье Цепе за дровами, необходимыми намъ для предстоящей поїздки къ Оштену, на которомъ лѣсовъ уже нѣть вовсе. Кромѣ того, не лишнимъ было для насъ застаситься и мясомъ, такъ какъ убитая, три дня тому назадъ, серна приходила уже къ концу. Въ силу послѣдняго обстоятельства я, какъ только возвратились съ дровами проводники, тотчасъ отправился на охоту, къ сѣверу отъ нашей стоянки, въ мѣсто, еще незнакомыя мнѣ. Это было ровно въ 10 часовъ утра. На пути къ отвѣсному уступу, возвышающемуся надъ ущельемъ Цепе, я нашелъ въ бурьяне свѣжую медвѣжью лежку, гдѣ медвѣдь отдыхалъ, вѣроятно, не болѣе часа или двухъ тому назадъ. Пройдя еще съ полверсты по высокому бурьянцу, я очутился надъ упомянутымъ скалистымъ уступомъ, гдѣ я замѣтилъ вскорѣ серну, которая на моихъ глазахъ вышла изъ-за большой скалы, находившейся значительно ниже меня. Я присѣлъ, что-бы не быть замѣченнымъ ею, а она, пройдя въ это время шаговъ 20 у подножья отвѣсной скалы, вспрыгнула на одинъ изъ уступовъ ея и улеглась тамъ, вѣроятно, съ намѣренiemъ пролежать до наступленія вечера. Такъ-какъ серна была довольно далеко, то я проіѣзъ къ ней еще шаговъ на 30 и, усѣвшись надъ самыи краемъ обрыва, старательно прицѣлился и выстрѣлилъ. Серна сразу опустила голову, сдѣлала нѣсколько порывистыхъ движений задними ногами, свалилась съ уступа и тотчасъ кончила. Пока я отыскивалъ мѣсто, гдѣ можно было бы спуститься къ ней, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ моихъ проводниковъ; мы вмѣстѣ слѣзли съ этой почти отвѣсной скалы и едва-едва вытащили вдвоемъ серну на то мѣсто, откуда я стрѣлялъ по ней.

Часовъ съ двухъ пополудни погода снова испортилась: нѣбо затянулось облаками, на горы налегъ туманъ, сдѣлалось очень холодно, потому пошелъ дождь, который не прекращался ни на минуту до самого вечера. Передъ заходомъ солнца и ночью онъ нѣсколько разъ переходилъ въ крупу. Всюду было мокро, сырое и дальше 20 — 30 шаговъ ничего нельзя было видѣть.

На слѣдующее утро мы пробродили часа три по сосѣднимъ

съ нашей стоянкой горамъ, надѣясь гдѣ-нибудь найти медвѣдей; но не встрѣтивъ ихъ, возвратились назадъ, отдохнули немного и отправились къ Оштену. Одному изъ моихъ проводниковъ пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ на его лошадь были навьючены дрова и мясо сернь. Намъ надо было прежней дорогой взобраться на горы и опять проѣзжать мимо тѣхъ покрытыхъ снѣгами крутыхъ скалъ, гдѣ мы ночевали три дня тому назадъ. Здѣсь я рѣшился остановиться часа на два, чтобы осмотрѣть скалы и окружающую ихъ мѣстность; но такъ какъ въ этихъ трущобахъ, часто скрываются, по словамъ моихъ проводниковъ, медвѣди, то мы условились взобраться на скалы съ двухъ противуположныхъ сторонъ и устроить иѣчто вродѣ облавы. Я полѣзъ, правѣе ихъ, на крутую гору, разсчитывая по гребню ея пробраться къ вершинамъ скалъ. Здѣсь на высотѣ 7500 фут. растительность была очень скучна и состояла изъ крошечныхъ генциантъ, колокольчиковъ, драбъ, камнеломокъ, ряста (*Scilla sphaera*), одуванчиковъ (*Tagahacum*) и т. д., довольно значительныя пространства оказались покрытыми огромнымъ количествомъ свѣтло-синихъ колокольчиковъ (*Campanula*), стебли и листья которыхъ были почти незамѣтны, вслѣдствие чего все растеніе казалось состоящимъ только изъ одного прѣтка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колокольчики и *Muscari* росли такъ густо, что отъ нихъ склоны горъ казались издали совсѣмъ синими. Рядомъ съ этими мѣстами находились и такія, которыя едва только успѣли освободиться отъ снѣга. На нихъ еле-еле начало пробиваться изъ земли мелкая травка, да торчали не распустившіеся еще бутоны ряста, который на плоскости цвѣтѣть вмѣстѣ съ самыми ранними весенними цвѣтами. Еще бѣднѣе оказалось растительность изъ самыхъ вершинахъ скалъ. Здѣсь всюду были навалены груды известковыхъ камней, между которыми попадались пространства, покрытыя мхами, лишайниками, а также мелкими листочками какихъ-то злаковъ. На этихъ-же мѣстахъ лежали и сугробы снѣга. Что касается самыхъ скалъ, то онѣ всюду состояли изъ того самого известняка, о которомъ уже упоминалось. Сверху онъ имѣеть темно-серый цвѣтъ, а на свѣжемъ изломѣ бѣлый или розоватый. Наконецъ, изъ звѣрей мы видѣли на скалахъ и около нихъ только трехъ сернь.

Послѣ осмотра этой мѣстности мы снова спустились къ нашимъ лошадямъ, а потомъ уже отправились на нихъ къ Оштено. Намъ пришлось вторично подниматься на ту гору, на которую

взбирался я, направляясь къ скаламъ. Здѣсь мы нашли едва замѣтную, но довольно широкую дорожку, вигзагами направлявшуюся вверхъ и заросшую такимъ-же дерномъ. какъ и вся окружающая ее мѣстность. Видно было, что по ней неѣздилъ никто уже цѣлыхъ десятки лѣтъ. Она была раздѣлана, какъ я узналъ впослѣдоватѣи, нашими войсками лѣтъ тридцать тому назадъ, т. е. не задолго до покоренія Западнаго Кавказа. Если-бы очистить ее отъ валяющихся на ней мелкихъ камней, то она и теперь могла бы служить дляѣзды даже на колесахъ.

По этой дорожкѣ мы взобрались на довольно обширное высокое плоскогорье, занимающее пространство приблизительно десятка въ два квадратныхъ верстъ и имѣющее среднюю высоту болѣе 7500 футовъ надъ ур. моря. Оно пересѣкалось множествомъ балокъ и овраговъ, почти въ уровень съ краями наполненныхъ снѣгомъ. Пустынныи, непривѣтливый и безжизненный характеръ имѣть вся эта мѣстность. Всюду виднѣются здѣсь груды камней, огромные сугробы снѣга и даже настоящія снѣжныя поля, толщина которыхъ, какъ можно было замѣтить по трещинамъ и обрывамъ, доходила сажень до 4—5, а длина отъ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ до полуверсты и болѣе. Снѣгомъ были завалены здѣсь даже самыя небольшія углубленія, кроме того, нельзя было не замѣтить, что и всѣ прочія мѣста лишь недавно освободились отъ него. На однихъ изъ нихъ находилась только прошлогодняя пожелтѣвшая и примятая снѣгомъ травка, а новой, зеленої не было и слѣдовъ; на другихъ-же начали уже цвѣсти кое-гдѣ первые весенниe цвѣточки—*Scilla* и *Ornithogalum*. На юго-востокѣ, верстахъ въ двухъ отъ насъ, находилась гора, футовъ на 600 поднимавшаяся надъ окружающимъ ее плоскогорьемъ. На сѣверо-востокѣ она обрывалась скалистымъ отвеснымъ уступомъ, на югѣ-же и юго-западѣ переходила въ довольно крутої склонъ, покрытый пожелтѣвшимъ дерномъ. Еще дальше, верстахъ въ 7—8, выдавалась изъ-за ближайшихъ гребней вершина Оштена.

Мѣстность эта находится на одномъ меридианѣ съ Оштеномъ, лежитъ къ сѣверу отъ этой горы и отдѣляется отъ нея только одной долиной, имѣющей въ ширину версты 2—3 и проходящей отъ востока къ западу у самой подошвы горы. На Оштена и всѣхъ его высокихъ отрогахъ, отстоящихъ всего лишь на 35 или 40 верстъ отъ Чернаго моря и подверженныхъ сильному вѣ-

яню его, снѣжная линія, какъ известно, спускаются очень низко *). Такимъ образомъ и здѣсь, на высотѣ отъ 7000 до 7500 ф. надъ ур. моря, во всѣхъ углубленіяхъ или котловинахъ лежать уже огромныя массы никогда нестаивающаго снѣга, да и болѣе открытыя, ровныя мѣста освобождаются отъ него всего лишь мѣсяца на 2 или $2\frac{1}{2}$, въ году; между тѣмъ въ Осетіи, напр., на этой высотѣ вызрѣваетъ хлѣбъ и растутъ еще лѣса, а въ Дагестанѣ слишкомъ на 8000 фут. надъ ур. моря существуютъ даже аулы.

Пройхавъ по плоскогорью версты полторы, мы встрѣтили небольшую котловину, хотя слегка защищенную отъ вѣтра и покровшую мелкой травкой. Такъ какъ впереди насъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ разстилалась мертвая пустыня, гдѣ для лошадей вовсе не было корма, то мы рѣшили остаться здѣсь до слѣдующаго утра. Мѣсто это находилось на высотѣ 7560 фут. надъ ур. моря.

Когда мы остановились и развязали своихъ лошадей, до вечера было еще не менѣе двухъ часовъ, поэтому я рѣшилъ воспользоваться хорошей погодой, которая здѣсь бываетъ не особенно часто, и совершенно безоблачнымъ небомъ, что-бы на легкихъ пройхать еще версты 2—3, взобраться на одинъ изъ ближайшихъ, болѣе высокихъ пунктовъ и отсюда взглянуть на Черное море, которое, по моимъ соображеніямъ, можно было увидѣть съ этихъ мѣсть.

Одного изъ своихъ проводниковъ я оставилъ у предполагаемаго ночлега, поручивъ ему развести огонь и приготовить чай, а съ другимъ отправился дальше по направлению къ югу. Едва успѣли мы отъѣхать версты полторы, какъ увидѣли, менѣе чѣмъ въ полу-верстѣ отъ себя, медвѣдицу съ двумя довольно большими, вѣроятно, прошлогодними медвѣжатами, а саженяхъ въ 50 отъ нея огромнаго медвѣдя. Конечно, Черное море, горы и все прочее было въ это время забыто и мы, бросивъ лошадей, тотчасъ начали подкрадываться къ медвѣдямъ. Въ 115 шагахъ я выстрѣлилъ по самому крупному изъ нихъ, стоявшему ко мнѣ почти задомъ и попалъ ему въ правую сторону груди. Онъ упалъ, началь кататься по землѣ, ревѣть, фыркать и сопѣть; нѣсколько разъ

*) По опредѣленію Абиха снѣжная линія не поднимается на немъ выше 9000 фут., а на южномъ склонѣ спускается даже до 8890 фут. надъ уровнемъ моря.

поднимался на ноги и пытался уйти, но не былъ въ силахъ. Въ то время, когда я смотрѣлъ на него и ожидалъ, что онъ сейчасъ кончится, мой проводникъ, хороший охотникъ, быстро подбѣжалъ къ нему шаговъ на 10 и добилъ его выстрѣломъ изъ своей берданки. Медвѣдь оказался очень старымъ и крупнымъ, два клыка у него были сломаны, коренные зубы сильно стерты, на мордѣ находилось нѣсколько старыхъ, заросшихъ шрамовъ, и ко всему этому онъ былъ еще слѣпымъ на одинъ глазъ. Все это свидѣтельствовало о томъ, что онъ прожилъ на свѣтѣ не одинъ десятокъ лѣтъ и не разъ бывалъ въ передѣлкахъ.

Почти часъ провозились мы около медвѣдя, снимая съ него шкуру, и уже въ сумерки возвратились къ своей стоянкѣ. Бѣчеръ въ этотъ день былъ прекрасный, но холодный. Съ закатомъ солнца замолкли крики альпійскихъ воронъ, завирушекъ и еще немногихъ водящихся здѣсь птичекъ, и воцарилась мертвая тишина, которая только изрѣдка нарушилась фырканьемъ или ржаньемъ нашихъ лошадей. Никакихъ насѣкомыхъ въ это время также не было слышно. Маленький костеръ, на которомъ варили ся нашъ ужинъ, одиноко мерцалъ среди этой дикой безмолвной пустыни и освѣщалъ только насы самихъ, нашу палатку и ближайшіе къ ней предметы. Небо, которое еще днемъ обращало на себя вниманіе своимъ особенно темнымъ цвѣтомъ, послѣ заката солнца стало почти чернымъ и покрылось безчисленнымъ множествомъ такихъ яркихъ, крупныхъ и блестящихъ звѣздъ, какихъ никогда не приходится видѣть на равнинахъ, по причинѣ ихъ пыльного, туманного и сравнительно мало прозрачного воздуха. Нельзя забыть этой замѣчательной ночи, проведенной на ми въ заоблачной пустынѣ, ея торжественной тишины и безмолвія, а также того чуднаго неба, которое миллионами огней блестѣло надъ нами. Къ сожалѣнію, однако, это чистое, безоблачное небо, а также рѣдкій и прозрачный воздухъ сильно способствовали охлажденію всѣхъ окружающихъ насы предметовъ, вслѣдствіе лучеиспусканія. Ночью дѣйствительно сдѣлалось очень холодно, и вслѣдствіе этого холода, особенно усилившагося передъ утромъ, мы встали за полтора часа до разсвѣта, при лунѣ развели костеръ, вскипятили воду и успѣли напиться чаю. Передъ восходомъ солнца термометръ показывалъ $2\frac{1}{2}$, градуса ниже нуля, а снѣгъ, лежащий около насы, затвердѣлъ такъ сильно, что лошадь, ступая по нему, почти не оставляла слѣдовъ на его поверхности.

На разсвѣтъ я и оба мои проводники верхами отправилисьъ той горѣ, которая возвышалась верстахъ въ двухъ отъ насы въ юго-восточномъ направлениі. При восходѣ солнца мы были уже на вершинѣ ея и любовались дивной горной панорамой, обнимающей не одну сотню верстъ. Благодаря чистотѣ и прозрачности воздуха, всѣ предметы, какъ ближайшіе къ намъ, такъ и отдаленнѣйшіе были видны съ поразительной отчетливостью; а небо имѣло еще болѣе густой, темно-синій цвѣтъ, чѣмъ наканунѣ. На сѣверѣ, верстахъ въ десяти отъ насы тянулись непрерывные лѣса, которые вдали, на болѣе низкихъ мѣстахъ, становились все рѣже и рѣже, затѣмъ начинали чередоваться все съ большими и большими числами полянъ и такимъ образомъ постепенно переходили въ степи Кубанской области. На востокѣ красиво и изящно обрисовалась длинная линія безчисленныхъ горныхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ и составляющихъ главный Кавказскій хребетъ; въ противоположной сторонѣ виднѣлась глубокая, извилистая долина Пшехи, заросшая густымъ лѣсомъ, а также долины ея притоковъ—Гогопса, Кушако и многіе горные хребты, постепенно пониждающіеся на западѣ. Наконецъ, на югѣ, верстахъ въ 4—5 отъ насы, поднимался Оштенъ, который былъ виденъ отъ подошвы до самой вершины. За нимъ и по бокамъ его тянулись во всевозможныхъ направленияхъ долины и ущелья, раздѣленные хребтами, постепенно пониждающимися вдали, а за ними разстипалась необъятная равнина синеватаго цвѣта — это Черное море, отстоявшее отъ насы верстъ на 45.

Вершина горы, на которой мы находились, поднимается до 8200 фут. надъ уровнемъ моря, что для Западнаго Кавказа должно считаться уже довольно солидной высотой. Эта вершина представляла расположенную подковообразно систему известковыхъ скалъ, образующихъ болѣе полу-окружности и поднимающихся надъ окружающими плоскогорьемъ, какъ уже было сказано, футовъ на 500 или 600. На югъ, непосредственно отъ вершины горы, тянулся болѣе или менѣе пологій, покрытый очень тощими дерномъ склонъ, по которому мы доѣхали верхомъ до самаго гребня скалъ; на оборотъ, къ сѣверу эти послѣднія обрывались почти отвѣсно; и здѣсь у подножья ихъ лежала огромная масса снѣга. Весь онъ вверху былъ раздѣленъ выдающимися скалистыми гребнями на нѣсколько отдельныхъ частей, которыхъ внизу переходили въ одно сплошное снѣжное поле. Накопленію

снѣга въ этомъ мѣстѣ способствуетъ какъ глубина котловины, такъ и положеніе склона, обращеннаго на сѣверъ. Не смотря на то, что скалы эти тянутся на протяженіи не менѣе версты, и у своего подножья загромождены очень значительнымъ количествомъ снѣга, изъ-подъ нихъ также не вытекаетъ ни одного ручейка. Очевидно, и здѣсь вся вода уходитъ въ землю.

Тамъ, гдѣ оканчиваются снѣга, у подножья скалъ находится довольно много покрытыхъ тощей травой бугровъ и валовъ, напоминающихъ древнія морены. Въ ледниковый періодъ вся эта мѣстность находилась, конечно, подъ льдомъ; но я увѣренъ, что у основанія этихъ скалъ находились небольшіе глетчеры даже сравнительно недавно, напр. въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда ледники Кавказа достигали, какъ известно, значительно большихъ размѣровъ, чѣмъ теперь, въ періодъ ихъ убыванія, начавшійся съ пятидесятыхъ годовъ. Существование хотя и небольшихъ ледниковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, на Оштенѣ, возвышающемся лишь на 1000 футовъ надъ этой мѣстностью, убѣждаетъ меня въ вѣрности такого предположенія.

Дернъ на вершинахъ скалъ состоялъ главнымъ образомъ изъ одного или нѣсколькихъ видовъ *Stipa*, къ которымъ примѣшивались *Samrapula*, *Myosotis*, *Cerastium*, *Draea* и *Veronica*.

Пробывъ на этой вершинѣ около часа, мы направились, наконецъ, къ самому Оштену. Онъ былъ верстахъ въ 3—4, прямо на югъ, и отдался отъ насть только одной очень глубокой, съ крутыми склонами, долиной, перебраться черезъ которую мы вмѣстѣ съ своими лошадьми не могли, однако, никакъ. По этой причинѣ намъ нужно было проѣхать обратно версты $1\frac{1}{2}$ —2 къ бывшей нашей стоянкѣ, оттуда повернуть на западъ, пересѣчь нѣсколько широкихъ пологихъ балокъ, наполненныхъ снѣгомъ и находящихся все на томъ же плоскогорье, а затѣмъ уже спуститься съ него. Спускъ этотъ направляется также на западъ и тянется по дну глубокой балки къ той долинѣ, которая начинается у самой подошвы Оштена и огибаетъ плоскогорье съ южной и западной сторонъ. Она отдѣляется отъ долины Пшеки, которая подходитъ здѣсь къ плоскогорью довольно близко, только однимъ, не особенно высокимъ, гребнемъ.

Такимъ образомъ намъ снова пришлось довольно долгоѣхать по этой высокой открытой мѣстности, пересѣченной мно-

гими гребнями, долинами и балками. И здесь всюду лежали группы камней и огромные сугробы снега, а трава была такая же тощая и приземистая, как и на прочих местах этого плоскогорья. Птиц попадалось нам в этой местности не много. Мы видели несколько стаек альпийских ворон (*Fregilus graculus*), альпийских завирушек (*Accendor alpinus*), да одну стаю грифовъ, штукъ въ 20, изъ которыхъ 5 принадлежали къ темно-бурымъ (*Vultur monachus L.*), а остальные белоголубымъ (*Gyps fulvus Gm.*). Вероятно, впрочемъ, и эта стая забралась сюда больше или менѣе случайно, и притомъ на короткое время.

Такъ какъ подо мною была сравнительно порядочная лошадь, то я ходилъ обыкновенно нѣсколько впереди своихъ спутниковъ. Когда мы были на самыхъ высшихъ точкахъ нашего пути, именно вблизи той закругленной вершины Нагой-коша, о которой упоминалось уже не разъ, я, взъехавъ на одинъ гребень, вдругъ увидѣлъ впереди себя, шагахъ въ 60, медвѣда, лежавшаго на совершенно голомъ бугрѣ. Быстро повернувъ лошадь и соскочивъ съ нея, я пригнулся въ грудь медвѣда и убилъ его однимъ выстрѣломъ; но не успѣлъ еще замолкнуть громъ его, какъ изъ-за убитаго животнаго съ отчаяннымъ, пронзительнымъ крикомъ выскочило два медвѣженка, которыхъ прежде мнѣ не было видно. Теперь только я узналъ, что передо мной былъ не медвѣдь, а медвѣдица. Медвѣжата бросились на гору, нѣсколько разъ останавливались, оглядывались то на свою мать, то на насъ. Ни у меня, ни у моихъ спутниковъ, успѣвшихъ уже пойти сюда, не было желанія стрѣлять въ нихъ, поэтому они ушли невредимыми.

Вскорѣ послѣ встрѣчи съ медвѣдицей намъ пришлось спускаться съ плоскогорья. Спускъ былъ не менѣе какъ футовъ въ 700—800 и тянулся на протяженіи верстъ 2 или 3; кроме того онъ оказался сильно каменистымъ, местами скользкимъ, грязнымъ и въ общемъ былъ настолько плохъ, что мы должны были весь его пройти пѣшкомъ. Когда онъ кончился, мы повернули на югъ, затѣмъ на юго-востокъ и, слѣдя этому направлению, достигли къ часамъ 12 подножья Олтена.

Мѣстность, по которой мы ходили послѣднія версты три, въ отношеніи орошенія сильно отличалась отъ той, где намъ пришлось странствовать предыдущие пять дней. Тамъ только одинъ разъ мы нашли родниковую воду, здесь же она попадалась на

каждомъ шагу. Большиe и маленькие, съ чистой, какъ хрусталь водой родники и множество прозрачныхъ ручейковъ и рѣчекъ встрѣчались намъ поминутно какъ на самой дорогѣ, такъ и по сторонамъ ея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было проѣхать полсотни шаговъ, что-бы не увидѣть нѣсколькихъ ручьевъ. Большая часть ихъ имѣла довольно медленное движеніе, и дно, усыпанное камнями, между которыми валялось не мало песчаниковъ, вовсе не попадавшихся намъ въ предыдущіе дни. Встрѣчались здѣсь также котловины съ топкимъ, болотистымъ грунтомъ и болотной растительностью, а на склонахъ горъ и вообще на болѣе сухихъ мѣстахъ всюду росла очень хорошая трава; на нѣкоторыхъ участкахъ она, впрочемъ, была уже сильно выбита насущимися здѣсь нѣсколькими табунами лошадей.

Эта мѣстность, извѣстная подъ именемъ Тубинской поляны, принадлежитъ, какъ говорять, къ лучшимъ и удобнѣйшимъ на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ горнымъ пастбищамъ, и потому всегда охотно арендуется для пастбища лошадей, овецъ, а иногда и крупнаго рогатаго скота. Всѣ эти животныя ходятъ здѣсь, однако, только въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ; такъ какъ уже въ началѣ сентября на этихъ мѣстахъ становится очень холодно и нерѣдко выпадаетъ снѣгъ. Однако и за три мѣсяца, благодаря прекрасной травѣ, хорошей водѣ, встрѣчающейся на каждомъ шагу, прохладному чистому воздуху, а, главное, отсутствію мухъ, не дающихъ въ другихъ мѣстахъ ни минуты покоя животнымъ, эти послѣднія поправляются здѣсь послѣ скуднаго зимняго корума замѣчательно быстро. Звѣрей на Тубинской полянѣ мы невидѣли вовсе, а изъ птицъ намъ больше всего попадалось бѣлозобыхъ дроздовъ, которые скрывались по преимуществу въ бурьянахъ и высокой травѣ, по близости ручьевъ, и съ крикомъ вылетали изъ нея при нашемъ приближеніи.

На возвышенномъ мѣстѣ, въ верстѣ отъ Оштена и прямо противъ долины, раздѣляющей его на двѣ части, мы сдѣлали привалъ. Съ этого пункта, находящагося на высотѣ 6700 фут., хорошо была видна вся європейская сторона Оштена, осмотромъ котораго я и занялся прежде всего.

Объ Оштенѣ и окружающихъ его мѣстахъ необходимо сказать болѣе или менѣе подробно—такъ какъ эта часть горъ не пользуется особенною извѣстностью и, кроме того, на картахъ Кавказа представлена невѣрно.

Оштенъ обозначенъ на нихъ въ самыхъ верховьяхъ Куржипса и одного изъ истоковъ Шехи, верстъ на 7 съвернѣе Фишта. Съ правильностью этого едва-ли можно согласиться, такъ какъ здѣсь нѣть даже ни одной очень высокой горы, которая могла бы обратить на себя особенное внимание, нѣть и вѣчныхъ снѣговъ. Оштенъ-же описывается обыкновенно какъ гора очень высокая, покрытая вѣчными снѣгами. Абихъ, напр., говоритъ *), что на Фиштѣ и Оштенѣ, поднимающихся до 9360 фут., мы въ первый разъ на сѣверо-западѣ Кавказа подъ $43^{\circ} 57'$ с. ш. и $57^{\circ} 34'$ в. д. встрѣчаемъ значительныя снѣжныя поля. Что-же касается горы, названной Оштеномъ на пятиверстной картѣ, то она лежитъ не подъ $43^{\circ} 57'$, а съвернѣе 44° и, вѣроятно, не поднимается даже на 7500 или 8000 фут. надъ уровнемъ моря.

Н. Кузнецовъ **) также описываетъ Оштенъ какъ гору, имѣющую 9115 фст. высоты и находящуюся не вблизи верховьевъ Куржипса, а вблизи верховьевъ Бѣлой. Замѣтимъ еще, что Шеха и Куржипсъ нигдѣ не подходятъ такъ близко другъ-къ-другу своими истоками, какъ это показано на картѣ, потому что между ними течетъ Цеце, получающая начало не съвернѣе Куржипса, какъ находимъ мы на картѣ, а южнѣе его, именно изъ подъ той самой горы, которую обыкновенно называютъ Оштеномъ и которая на картахъ обозначена подъ именемъ Фишта. Эта вершина не видна изъ Самурской, Апшеронской и нѣкоторыхъ сосѣднихъ станицъ, такъ какъ она закрыта Нагой-кошемъ и другими горами; но ее можно видѣть по дорогѣ къ Хадыжинской станицѣ, къ Майкопу, къ Лабинской и, хотя съ трудомъ, къ тому же лишь въ самую благопріятную погоду, даже изъ окрестностей Ставроополя. Оба упомянутые уже массива этой горы, за которой я оставляю название Оштена, у пастиковъ абадзеховъ, жившихъ прежде по близости ея, имѣютъ свои имена; они называются западный массивъ—Чуба, а восточный—Пишти или Фишти, отъ которого и произошло, безъ сомнѣнія, название „Фиштъ“, встрѣчающееся какъ на картахъ, такъ и въ сочиненіяхъ о Кавказѣ. мнѣ кажется Фиштъ и Оштенъ, какъ ихъ

*) Über die Lage der Schneegrenze und die Gletscher der Gegenwart im Caucasis. Bull. de l'Academie Imp. de St.-Petersbourg. t. XXIV.

**) Путешествіе по Кубанскимъ горамъ. Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ. т. XXV.

обыкновенно употребляютъ авторы, скорѣе всего слѣдуетъ счи-
тать синонимами *).

Укажу, кстати, еще на одну, хотя и небольшую неточность пятиверстной карты. На ней истоки Цепе и Бѣлой (собственно ея притока Гузерипля) обозначены гораздо дальше другъ-отъ-друга, чѣмъ слѣдовало-бы. На картѣ они икогда не подходитъ другъ къ другу ближе, какъ верстъ 7—8, на самомъ-же дѣльѣ у сѣверо-восточного угла Оштена разстояніе между ними, вѣроятно, не превышаетъ верстъ 3—4. Эта ошибка явилась вслѣдствіе того, что истоки Цепе обозначены невѣрно, именно верстъ на 5 сѣвернѣе, чѣмъ слѣдуетъ.

Оштенъ представляетъ большую гору, подошва которой находится среднимъ числомъ на высотѣ $6\frac{1}{2}$,—7 тысячъ футовъ и занимаетъ пространство не менѣе 25 кв. верстъ. Обѣ половины его представляютъ двѣ почти одинаковой высоты горы съ широкими, раздѣленными на много зубцовъ вершинами. Вверху онъ скалисты, а внизу покрыты горными лугами. На вершинахъ ихъ лежитъ мѣстами довольно много снѣга, длинная и широкая ленты которого спускаются кое-гдѣ почти до половины высоты горы. Восточный массивъ гораздо острѣе западнаго; вершина его состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ зубцовъ и самъ онъ, за исключеніемъ своего основанія, почти лишенъ зеленыхъ травянистыхъ склоновъ. Снѣговъ на сѣверной сторонѣ его почти нѣть, вслѣдствіе того, что они не могутъ задерживаться на очень крутыхъ склонахъ его; подножье же этой горы съ сѣверной стороны представляетъ рядъ бугровъ и грядъ, покрытыхъ зеленью. Здѣсь-то и получаетъ начало, многими отдѣльными ручейками, которые соединяются затѣмъ въ 2 главныхъ истока, рѣчка Цепе. Въ этомъ мѣстѣ она такъ мала, что черезъ нее можно безъ труда перейти, не набравъ въ сапоги воды; направляется она отсюда почти прямо на сѣверъ, постепенно углубляясь свое ложе и превращаешь такимъ образомъ его въ то глубокое ущелье, о ко-ромъ мы уже говорили неоднократно.

Въ самыхъ истокахъ Цепе тянется сверху внизъ по склону Оштена нѣсколько покрытыхъ зеленою травою грядъ или валовъ,

*) Нѣкоторые, впрочемъ, подъ словомъ „Фиштъ“ разумѣютъ все это высокогоріе, а подъ словомъ „Оштенъ“ высочайшую вершину его; но и тогда трудно рѣшить, гдѣ именно находится онъ, такъ какъ здѣсь есть нѣсколько вершинъ почти одинаковой высоты.

съ болѣе или менѣе заостренными гребнями; ихъ нельзя не признать за древнія морены. Одна изъ нихъ особенно явственна и спускается съ правой стороны восточного массива Оштена не далеко отъ долины, раздѣляющей эту гору на двѣ части. Что касается собственно долины, то она простирается съ с.-с.-з. на ю.-ю.-в., довольно просторно, хотя и сильно завалена грудами камней, которые падаютъ въ нее съ сосѣднихъ скалъ. Передъ входомъ въ эту долину, у самого подножья горы, лежитъ маленькое озерцо, а на боковыхъ склонахъ и днѣ ея видны во многихъ мѣстахъ полосы и пятна снѣга. На разстояніи версты или двухъ отъ начала долины, дно ея приподнимается, образуя пологое, невысокое вадутіе, также покрытое кое-гдѣ снѣгомъ, а вдоль всей долины тянется узкая тропинка, по которой можно пройти съ сѣверного склона Оштена на южный, къ истокамъ Шахе. Болѣе подробно будетъ сказано обѣ этой долинѣ при описании поѣздки въ нее.

Западная половина Оштена, иначе Чуба, также состоить изъ нѣсколькихъ вершинъ, причемъ крайнія изъ нихъ отстоять другъ отъ друга не менѣе какъ на 4 или 5 верстъ; въ этомъ лучше всего можно убѣдиться, проѣзжая по только-что описанной долинѣ. Съ сѣверной стороны Чуба кажется шире своего со-сѣда, выступаетъ къ сѣверу немного дальше его, и хотя скалы на ней спускаются ниже, но покрытыхъ травой склоновъ она имѣть больше. На этой вершинѣ есть нѣсколько небольшихъ глетчеровъ, причемъ два изъ нихъ спускаются къ востоку, т. е. къ долинѣ, раздѣляющей Фишти и Чубу. Одинъ изъ нихъ довольно широкъ, тянется внизъ не менѣе какъ на версту, но, не смотря на это, оканчивается очень высоко; другой значительно менѣе въ длину и ширину, располагается между двумя стѣнами почти отвѣсныхъ скалъ, замѣтно круче первого и спускается ниже его. Въ общемъ онъ принадлежитъ къ самымъ маленькимъ глетчерамъ.

На сѣверной сторонѣ Чубы также виденъ небольшой ледникъ. Онъ сѣживается съ довольно крутого склона и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересекается множествомъ не широкихъ трещинъ. Верхняя часть его была во время нашего пребыванія подъ Оштеномъ покрыта снѣгомъ, а нижняя обнажена. Она съ боковъ и снизу окаймляется осыпями желто-коричневаго цвѣта.

Если смотрѣть на эту гору съ западной стороны, то можно

видѣть двѣ огромныя, но не особенно острыя скалистыя вершины, раздѣленныя глубокой сѣдовиной. Одна изъ этихъ вершинъ, именно южная, кажется выше сѣверной, покрыта вверху снѣгомъ, и съ нея спускается къ сѣдовинѣ большое сѣжнное поле, которое внизу переходитъ въ два маленькихъ глетчера, питающихъ истоки Пшехи. Западная сторона Оштена, обращенная къ долинѣ упомянутой рѣки, очень крута; особенно это можно сказать про южную часть горы, которая обрывается почти отвесной стѣной, имѣющей нѣсколько сотъ футовъ въ высоту. Съ запада же склоны Оштена пересѣкаются нѣсколькими очень глубокими ущельями, по которымъ текутъ въ Пшеху быстрыя горныя рѣчки. По этой причинѣ Оштенъ очень трудно объѣхать съ западной стороны иначе, какъ спустившись въ самую долину Пшехи.

Ниже будетъ сказано, что съ восточной вершины Оштена спускается одинъ, а можетъ быть даже и нѣсколько глетчеровъ. Такимъ образомъ на Оштенѣ мы встрѣчаемъ не только вѣчные снѣга, но и маленькие ледники, о которыхъ, какъ кажется, никто изъ путешественниковъ еще не упоминалъ. Я видѣлъ ихъ 6 штукъ; но, принимая во вниманіе съ одной стороны большое протяженіе этой горы, а съ другой—множество ущелей и глубокихъ балокъ, спускающихся съ вершины ея, надо думать, что такихъ маленькихъ глетчеровъ найдется здѣсь еще нѣсколько.

Абихъ называетъ Оштенъ и Фиштъ Quagzrogruhohen *), считая, слѣдовательно, ихъ горами, состоящими изъ кварцеваго порфира. Мнѣніе это не совсѣмъ вѣрно. Побывавши на очень многихъ пунктахъ Оштена, я всюду на немъ встрѣчалъ только известняки и лишь въ одномъ мѣстѣ долины, проходящей между вершинами его, нашелъ глинистый сланецъ, похожій на обыкновенный аспидный. Что касается известняковъ, то они были различныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, красноватаго, розово-краснаго или свѣтло-кирпичнаго, и почти всегда заключали въ себѣ бѣлые кристаллы известковаго шпата. Никакихъ другихъ минераловъ не попадается и въ руслѣ Цеце, вытекающей исключительно изъ-подъ Оштена; но, принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ шехѣ, питающейся по преимуществу водами Оштена, находится

огромное количество валуновъ, состоящихъ изъ кварцевыхъ породъ, надо думать, что онѣ выступаютъ гдѣ-нибудь на западномъ склонѣ Оштена въ значительныхъ массахъ. Къ сожалѣнію

*) Abich Uber die Lage der Schneegrenze. S. 260.

мнѣ не удалось еще познакомиться обстоятельно со всей этой стороной Оштена и увидѣть обнаженія кварцевыхъ горныхъ породъ, но во всякомъ случаѣ я не могу считать название, данное этой горѣ Абихомъ, вполнѣ точнымъ, такъ какъ, вѣроятно, не менѣе %, ея состоять изъ известняка.

Обратимся теперь снова къ путешествію. Мѣсто, гдѣ мы рѣшили остаться до слѣдующаго утра, было окружено прекрасными лугами, на которыхъ цвѣли анемоны (*Anemone narcissiflora*) съ красивыми крупными свѣтло-розовыми цвѣтами, *Polygonum bistorta*, клеверъ съ большими бѣлыми и малиновыми головками, свѣтлоголубыя скабіозы, множество незабудокъ и т. д. Недалеко отъ настѣ бѣжалъ ручей, а вдали во всѣхъ направленіяхъ виднѣлись красивыя горы. Только лѣсовъ здѣсь не было вовсе. Погода въ теченіи всего послѣдняго дня, проведеннаго нами въ пути къ Оштену, стояла очень хорошая, и я ложился спать съ увѣренностью, что она не измѣнится и ночью. Расположились мы по обыкновенію въ палатѣ и, несмотря на изрядный запасъ теплаго платья, къ утру прозябли очень сильно. Передъ восходомъ солнца термометръ показывалъ -2°C , вся трава была покрыта толстымъ слоемъ инея, а упомянутое уже озерцо, находившееся отъ настѣ саженяхъ въ 200, подернулось слоемъ льда толщиною въ нѣсколько линій.

Часовъ въ 5 утра мы уже покинули свою стоянку и направились въ ущелье, чтобы пройхать его съ одного конца до другаго. Въ однихъ мѣстахъ оно оказалось очень узкимъ и скалистымъ, въ другихъ-же, гдѣ окружающія его стѣны сильно разступались и замѣнялись склонами, покрытыми травой, гораздо болѣе широкимъ и просторнымъ. Очень красавую картину мы увидѣли верстахъ въ двухъ отъ входа въ ущелье съ сѣверной стороны, влѣво отъ единственной трошинки, проходящей вдоль него. Здѣсь открываются свѣтлосѣрыя, отвѣсные скалы съ выступами, напоминающими башни, колонны, развалины и т. д., а подъ ними огромныя осыпи, простирающіяся на цѣляя сотни саженъ и чередующіяся съ изумруднозелеными откосами, покрытыми травой и цвѣтами. Что касается собственно скаль, то онѣ и тутъ состоять изъ одного только известняка. Нижніе ярусы ихъ также чередуются съ зелеными карнизами, а верхніе вовсе лишены растительности. Абсолютная высота ихъ равнается, вѣроятно, тысячамъ восьми футамъ.

Если пройхать еще немного, то на противуположной, т. е. западной сторонѣ ущелья показываются два небольшіе глетчера, о которыхъ было уже сказано раньше; одинъ изъ нихъ представляется отсюда узкимъ, но довольно длиннымъ. Съ этого-же мѣста открывается живописная картина на цѣлый рядъ хребтовъ и вершинъ, находящихся въ юго-западномъ направлениі. Ближайшіе изъ нихъ круты, скалисты, подвергаются сильному разрушенію и потому у своего подножья завалены грудами обломковъ скаль, представляющихъ невообразимый хаосъ изъ камней всевозможныхъ величинъ, начиная отъ самыхъ мелкихъ и оканчивая глыбами, съ цѣлымъ домомъ и даже больше. Этотъ хаосъ тянется на протяженіи не сколькихъ верстъ, и человѣкъ, стоящій среди него, кажется издали точкой въ сравненіи съ тѣми громадами, которыя навалены здѣсь. Кое-гдѣ на этихъ грудахъ камня лежаль не успѣвшій еще растиать снѣгъ. За осыпями и близайшими выступами горъ виднѣется, кромѣ того, цѣлый рядъ хребтовъ съ болѣе пологими и закругленными очертаніями. Они принадлежать уже Черноморскому округу и въ большей или меньшей степени покрыты лѣсомъ.

Когда мы подвинулись къ югу еще версты на двѣ, то тѣснина, дно которой служило намъ дорогой, расширилась и передъ нами открылся новый видъ на множество ущелей, долинъ и балокъ, заросшихъ сплошными дѣвственными лѣсами; они состоятъ вверху, на гребняхъ горъ, главнымъ образомъ изъ пихтъ, а на склонахъ и у самаго дна долинъ изъ различныхъ лиственныхъ породъ. Только вершины наиболѣе высокихъ хребтовъ были лишены лѣса и покрыты горными лугами. Въ этой мѣстности, расположенной на южномъ склонѣ Оштена, получаетъ начало рѣчка Шахе, а вдоль одного изъ гребней, находящихся въ ея верховьяхъ, тянется замѣтная издалека тропинка. По ней можно выѣхать черезъ бывшій Бабуковскій ауль къ Черному морю, именно къ Головинскому посту.

Осмотрѣвъ ущелье, мы возвратились къ тому мѣstu, гдѣ ночевали въ послѣдній разъ. Мнѣ хотѣлось сдѣлать здѣсь привалъ до слѣдующаго утра, но сть тѣмъ, чтобы передъ вечеромъ совершить небольшую экскурсію вдоль сѣверного склона Оштена. Часа за четыре до захода солнца я, дѣйствительно, отправился туда съ однимъ изъ своихъ проводниковъ, другой-же со всѣмъ наимѣнѣемъ имуществомъ остался на мѣстѣ предполагаемаго ночлега.

Погода эта вышла очень неудачной: едва успѣли мы отъ-

ѣхать версты полторы или двѣ, какъ начали собираться густыя тучи, загремѣлъ громъ и вскорѣ полилъ проливной дождь. Не ожидая такой быстрой перемѣны погоды, ни я, ни мой проводникъ, отправляясь въ путь, не захватили съ собою ни бурки, ни башлыка; поэтому черезъ 5—6 минутъ послѣ начала дождя на насъ не было уже ни одной сухой нитки. Ещъ несчастью и мѣстностью, по которой мы возвращались назадъ, пересѣкалась множествомъ такихъ крутыхъ балокъ и овраговъ, что намъ пришлось подъ сильнѣйшимъ дождемъ ѻхать до самой стоянки шагомъ. Наконецъ, и добравшись до нея, мы не могли тотчасъ-же укрыться отъ дождя, такъ какъ палатка, съ которой не въ силахъ упра-виться одинъ человѣкъ, не была еще разбита. Какъ только мы поставили ее, я началъ переодѣваться, т. е. снимать съ себя рѣ-шительно все, что было на мнѣ, и надѣвать другое сухое бѣлье и платье; при температурѣ не болѣе какъ градусовъ въ пять, да еще при вѣтрѣ, который проникалъ и въ палатку, заниматься этимъ было очень непріятно.

Такъ какъ большая часть нашихъ вещей и платья намокла, а дровъ для большого костра, на которомъ можно было-бы все это высушить, не хватало, то мы рѣшили перейхать отсюда къ востоку, версты на полторы, и остановиться у сѣверо-восточного угла Оштена около двухъ балагановъ, вблизи которыхъ находилась довольно порядочная сосновая рощица. Она должна была снаб-жать насъ дровами. Вслѣдствіе близости лѣса въ этомъ мѣстѣ изъ-года-въ-годъ располагаются табунщики пасущіе лошадей на Тубинской полянѣ. Ими построены и упомяннутые два балагана. Они расположены на высотѣ 6700 ф. надъ ур. м. Къ сѣверу отъ нихъ находилась та самая гора, съ которой дня два тому назадъ мы видѣли Черное море, а на югѣ и юго-западѣ, въ верстѣ отъ насъ, громоздились скалы Оштена. Несмотря на близость такихъ вы-сокихъ горъ, на которыхъ лежитъ не мало снѣга, сосны здѣсь растутъ очень хорошо и достигаютъ болѣе обхвата въ толщину.

За часъ до захода солнца мы разбили палатку въ нѣсколь-кихъ шагахъ отъ балагановъ. Въ ней улегся спать я и одинъ изъ моихъ проводниковъ, другой-же расположился въ балаганѣ. Ночь оказалась ясной, тихой, но настолько холодной, что даже въ па-латкѣ мы почти не могли уснуть, дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и, недождавшись разсвѣта, принуждены были перебраться въ ба-лаганъ, чтобы тамъ развести костеръ и погрѣться около него.

Когда я вставалъ и случайно прикоснулся къ палаткѣ, которая еще наканунѣ была подъ дождемъ и не успѣла высохнуть, то оказалось, что она обледенѣла и стала тверда, какъ доска. Вся трава вокругъ нея также была покрыта толстымъ слоемъ инея, а термометръ показывалъ передъ восходомъ солнца—3° С.

Эта холодная, ясная ночь была предвестникомъ хорошей погоды, которая не замедлила наступить снова. Ею мы должны были пользоваться самымъ разсчетливымъ образомъ; поэтому съ ранняго утра отправились на Оштена, вершина которого поднималась надъ уровнемъ нашей стоянки почти на 3000 футовъ. Мы перѣхали нѣсколько истоковъ Цене, имѣвшихъ видъ ручьевъ, шириной приблизительно въ сажень, оставили ихъ вправо, т. е. къ западу отъ себя, и стали подниматься въ гору. Подъемъ былъ такъ пологъ, что я половину его сдѣлалъ безъ всякихъ затрудненій верхомъ. Такимъ образомъ мы подѣхали сбоку къ крутой балкѣ, начинавшейся отъ самыхъ скаль Оштена. На днѣ и склонахъ ея лежало нѣсколько небольшихъ снѣжныхъ полей, а правѣе, на верху остроконечной скалы, обледенѣлый снѣгъ; наконецъ, еще выше былъ виденъ настоящій ледъ съ трещинами, какъ на обыкновенномъ глетчерѣ. Онъ, однако, не имѣлъ у своего верхняго конца снѣжныхъ полей, поэтому не вполнѣ подходитъ подъ типъ глетчера, хотя-бы 2-го разряда. Въ видѣ узкой полоски онъ довольно далеко тянется внизъ и съ лѣвой стороны окаймляется грудами осыпей, напоминающихъ издали морены. Лежитъ этотъ ледникъ въ, огромной котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ, кроме восточной, высокими скалами. Прежде, безъ сомнѣнія, и здѣсь былъ настоящій глетчеръ съ питающими его снѣжными полями.

Балка, къ которой мы подѣхали, замыкалась съ юга выступающей въ видѣ притупленного мыса очень красивой, полосатой скалой, которая отъ самаго основанія и до вершины состояла изъ горизонтально расположенныхъ параллельныхъ ярусовъ, ясно различаемыхъ даже издалека. Къ востоку отъ нея тянулся высокій отрогъ Оштена, состоящій изъ скаль, осыпей и небольшихъ снѣжныхъ полей, а къ востоку болѣе низкия горы, покрыты зеленью.

Свернувъ влѣво и сдѣлавъ порядочный объездъ, мы поднялись почти до самой вершины полосатой скалы, а отсюда уже отправились пѣшкомъ. Я хотѣлъ взойти на вершину съверо-вост-

точного отрога Оштена, чтобы взглянуть съ нея на окружающую мѣстность. Вначалѣ и здѣсь подъемъ былъ не особенно труденъ, но чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ становился онъ все круче и круче. На самый послѣдній крутой уступъ, состоящій изъ осьпей, скаль и снѣжныхъ полей, мы лѣзали, обливаясь потомъ, окола часа. Изъ-подъ напихъ норъ катились здѣсь не только отдельные камни, но и цѣлые груды ихъ и это всего болѣе затрудняло восхожденіе. Наконецъ почти въ полдень мы достигли одной изъ вершинъ восточнаго отрога Оштена, которая поднимается до 9000 ф. и только футовъ на 300—400 уступаетъ самой высшей точкѣ горы. О томъ, какая дивная картина открылась намъ съ этого пункта, нечего и говорить. Для описываемой мѣстности, гдѣ нѣть ни одной вершины, возвышающейся даже до 11 тысячъ футовъ, 9 тысячъ имѣть такое-же значеніе, какъ для центральнаго Кавказа 14 или 15 тысячъ. Отсюда можно было сразу окинуть взоромъ цѣлые сотни верстъ и видѣть самые разнообразныя картины. Вблизи насъ громоздились угрюмыя скалы, рядомъ съ ними лежали пустынныя осьпи и вѣчные снѣга, далеко на югъ сквозь синеватую дымку виднѣлось Черное море, а между нимъ и окружающей насъ пустыней разстипалось другое море—море лѣсовъ, покрывающее всѣ хребты, ущелья, долины и балки.

Не менѣе замѣчательный видъ открывается на востокъ, гдѣ изъ массы зелени выступала безконечная цѣль острыхъ блестящихъ зубцовъ Главнаго Кавказскаго хребта, покрытаго вѣчными снѣгами. Отсюда видны даже Чертовы ворота *), горы окружающія Псебай и монастырь около станицы Царской; въ бинокль-же можно было различить его двѣ бѣлые церкви и колокольню, стоящія отсюда почти на 60 верстъ.

Съ этой вершины мы направились на востокъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ изъ-подъ Оштена вытекаетъ одинъ изъ истоковъ рѣки Бѣлой, именно Гузерипль. Онъ получаетъ начало далеко внизу въ глубокой балкѣ и не изъ снѣговъ, а, подобно Цепе, изъ родниковъ. Только въ самомъ началѣ долина этой рѣчки скальста и безлѣсна, дальше-же ее покрываютъ сплошные пихтовые лѣса. Со скаль, находящихся у самыхъ истоковъ рѣчки и футовъ на 700 выше покрытой горными лугами горы Гузерипль, можно съ птичьаго полета окинуть взоромъ большую часть мѣст-

*) Двѣ высокія горы, напоминающія своимъ видомъ ворота и находящіяся въ верховыхъ Ходза.

ности, занятой истоками Бѣлой. Она представляетъ пѣлую систему долинъ и ущелій, лучеобразно расходящихся отъ одной точки и покрытыхъ вѣковыми пихтовыми лѣсами. На всемъ Сѣверномъ Кавказѣ нѣть, безъ сомнѣнія, мѣстности болѣе лѣсистой, болѣе безлюдной и глухой. Многія части ея никогда не посѣщаются людьми и покрыты въполномъ смыслѣ дѣвственными дремучими лѣсами, въ которыхъ водится множество медвѣдей, оленей, кабановъ и живетъ даже такое рѣдко животное, какъ зубръ. На востокѣ, за этимъ лѣсомъ, поднимается хребетъ Абаго, на вершинѣ которого громоздятся высокія скалы и лежать мѣстами довольно порядочныя массы снѣга; южнымъ концомъ своимъ онъ упирается въ высокую, черную, скалистую пирамиду, на которой также виденъ снѣгъ и, кромѣ того, одинъ довольно длинный и обрывистыйfirnъ-глетчеръ, пересѣченный нѣсколькими ледопадами. Это гора Шугусъ, высочайшая вершина во всей западной четверти Кавказскаго хребта. Она достигаетъ 10642 ф. высоты.

Осмотрѣвъ сѣверную и восточную стороны Оштена, я долженъ былъ снова отправиться въ Самурскую станицу, что-бы отъ нея предпринять нѣсколько поѣздокъ.

Не желая возвращаться прежней дорогой, я рѣшилъ спуститься съ горъ по ущелью Куржиса и проѣхать черезъ Мезмайскій поселокъ и Нижегородскую станицу.

Отѣхавъ отъ нашей стоянки версты 2—3, мы попали къ верховьямъ Куржиса, который начинается множествомъ маленькихъ ручейковъ, разбросанныхъ по довольно обширному пространству. Мѣстность здѣсь имѣла совершенно особенный характеръ. Не смотря на значительную абсолютную высоту, среднимъ числомъ около 7 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, она вовсе лишена скаль, крутыхъ балокъ, овраговъ или пропастей и напоминаетъ холмистую степь, пересѣкающуюся только пологими, не глубокими ложбинами. Даже и животный міръ въ ней не таковъ, какъ въ соседніхъ горахъ. Такъ, напр., изъ птицъ мы видѣли нѣсколько разъ пустельгу, кобчикъ и даже луней; послѣдніе, какъ известно, живутъ исключительно въ степяхъ и избѣгаютъ горъ, покрытыхъ лѣсами или очень скалистыхъ. Если-бы не узкія полоски снѣга, уцѣлѣвшаго кое-гдѣ въ защищенныхъ отъ солнца мѣстахъ, не высокія горы и глубокія долины, находящія-

ся невдалекъ, то можно было бы подумать, что мы находимся на какой-нибудь возвышенности чисто степного характера. Вся эта мѣстность, занимающая пространство не менѣе двухъ десятковъ квадратныхъ верстъ, покрыта густой, но мелкой, приземистой травкой, состоящей изъ различныхъ злаковъ, осокъ, клевера (*Trifolium ambiguum*) и т. п. Часто попадаются на ней и болотца или мочежины. Подобно Тубинской полянѣ, она причисляется къ лучшимъ горнымъ пастбищамъ и почти такъ-же обильно орошается множествомъ ручьевъ и маленькихъ рѣчекъ, получающихъ начало изъ многочисленныхъ родниковъ. Только въ западной части, ближайшей къ долинѣ Бѣлой, эта возвышенность становится сильно каменистой и неровной.

Тѣ ручьи, которыми начинается здѣсь Куржицъ, текутъ вначалѣ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ въ неглубокихъ ложбинахъ или балкахъ; потомъ эти послѣднія становятся все глубже и глубже, и превращаются такимъ образомъ въ настоящія ущелья. Въ этихъ мѣстахъ склоны ихъ, состоящіе частью изъ скаль, частью изъ мягкаго грунта, покрываются хорошимъ, крупнымъ пихтовымъ лѣсомъ. Верстахъ въ 7 отъ верховьевъ Куржицса, гдѣ нѣсколько истоковъ его, текущихъ въ глубокихъ лѣсистыхъ долинахъ, сходятся вмѣстѣ, выступаетъ громадная, очень, красавая и оригинальная, удлиненной формы, скала съ отвѣсыми боками и плоской вершиной, заросшій густымъ, столѣтнимъ хвойнымъ лѣсомъ. Все подножье ея, а частью и бока, несмотря на ихъ крутизну, также покрыты пихтами. Она видна верстъ за 20.

Противъ этой скалы, на лугу, вблизи которого росли рѣдкія, но очень высокія и толстые пихты, мы немного отдохнули, покормили лошадей, а потомъ двинулись дальше, вступивъ въ густой лѣсъ, всѣ деревья котораго обросли длинными, висящими, на подобіе бороды, лишайниками, а почва была испещрена множествомъ оленыхъ слѣдовъ. Проехавъ по лѣсу версты 3, мы снова выбрались на оголенный, очень высокій хребеть, служащий водораздѣломъ между Цеце и Куржицсомъ. Здѣсь я увидѣлъ медвѣдя, который ходилъ на покрытомъ травою склонѣ одной изъ балокъ, пытался подкрасться къ нему, но онъ почумилъ меня и ушелъ прежде, чѣмъ я могъ выстрѣлить.

Спустившись съ этого хребта футовъ на тысячу, мы переночевали на опушкѣ лѣса, а на слѣдующее утро отправились

дальше, къ Мезмайскому хутору. Грязная и скользкая дорога спускалась здѣсь зигзагами съ крутой горы на протяженіи не сколькихъ верстъ, и почти всю ее мы должны были пройти пѣшкомъ. За то какимъ чуднымъ лѣсомъ мы могли любоваться! Пихты въ $2\frac{1}{2}$, и 3 обхата можно было видѣть всюду, а изрѣдка попадались и такія, которыхъ имѣли $3\frac{1}{2}$, обхата. Одна изъ нихъ, при двухъ обхатахъ въ толщину, имѣла 330 годичныхъ колецъ, слѣдовательно, другія, болѣе толстыхъ, должны были имѣть не менѣе 400—500 лѣтъ! Нѣсколько ниже между пихтами началь все чаще и чаще попадаться букъ, а потому ильма или вязъ (по мѣстному—карагачъ) и кленъ. Ильмовый лѣсъ здѣсь превосходенъ: деревья аршина въ $1\frac{1}{2}$, въ попеченикѣ, совершенно прямыхъ и лишенныхъ вѣтвей на протяженіи сажень десяти отъ земли, встрѣчаются очень часто. Почти то-же можно сказать и о кленѣ. Одно кленовое дерево, особенно обратившее на себя вниманіе, имѣло 4 обхата на высотѣ аршина отъ земли. Надо, однако, замѣтить, что во многихъ мѣстахъ этотъ лѣсъ уже замѣтно пострадалъ отъ топора. Его рубятъ преимущественно жители Мезмая для драні и досокъ.

Часовъ въ 10 утра мы добрались до Мезмайского хутора, расположенного на правомъ берегу Буржинса и состоящаго всего лишь изъ 9—10 домиковъ. Верстахъ въ 4 къ востоку отъ него, на рѣкѣ Мезмай, лежитъ и маленький Мезмайский поселокъ. Въ немъ поселились послѣ кавказской войны по преимуществу отставные солдаты, между которыми было очень много поляковъ. Мезмайдамъ многие могутъ позавидовать въ отношеніи красоты мѣстъ, среди которыхъ они живутъ, и чистоты воздуха, которымъ они дышатъ. Съ запада на востокъ тянется здѣсь широкая, просторная р. Мезмая, вся рѣшительно одѣтая зеленью; къ сѣверу отъ нея находится невысокий хребетъ, покрытый лугами въ перемежку съ лѣсомъ, а на югѣ глубокія балки, долины и ущелья, поросшія густыми пихтовыми лѣсами. Мезмай съ маленькими, чистенькими домиками и его хуторъ въ этомъ морѣ зелени выглядываютъ крошечными оазисомъ, заброшенными въ безконечную пустыню.

За хуторомъ наша дорога на протяженіи верстъ трехъ снова потянулась на гору. Тамъ, гдѣ кончился этотъ подъемъ, открылась огромная, такъ-называемая Мезмайская поляна, которая тянется въ длину верстъ на десять, при ширинѣ въ версту и болѣе.

Трава на ней низкая, рѣдкая и довольно тощая. Она состоитъ изъ злаковъ, между которыми растутъ различные виды *Salvia*, *Campanula*, *Scabiosa*, *Geranium pratense*, *Achillea millefolium*, *Hypericum perforatum*, *Thymus serpyllum*, *Astrantia major*, *Galium* и т. д. Мезмайцы на этой полянѣ косятъ сѣно, сажаютъ картофель и сѣютъ кукурузу. Хлѣбопашествомъ-же, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, они не занимаются вовсе.

Съ этой-же поляны открывается хороший видъ на верховья Куржипса, Оштенъ, Нагой-кошъ и всѣ окружающія ихъ горы. Мнѣ было особенно пріятно, хотя издали, взглянуть на эти мѣста, такъ какъ отсюда я могъ сразу окинуть взоромъ всѣ трущобы и дебри, по которымъ странствовалъ въ теченіе двухъ недѣль и еще разъ воспроизвести въ памяти всѣ столь пріятные моменты, которые пришлось пережить такъ недавно.

Обѣ поляны, до самой Нижегородской станицы, мы должны были проѣхать лѣсомъ, который вначалѣ состоялъ почти исключительно изъ очень крупныхъ буковыхъ деревьевъ, а дальше, по мѣрѣ пониженія мѣстности, изъ дуба, ольхи, осины, граба и т. д.

Маленькая Нижегородская станица, въ которой нѣть ни церкви, ни священника, расположена на правомъ берегу Куржипса, на высотѣ, среднимъ числомъ, 1750 футовъ и окружена со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, который подошелъ къ самымъ дворамъ ея. Въ прежнія времена, какъ я уже говорилъ, вокругъ нея были большія поляны, на которыхъ снимали хлѣбъ и косили сѣно; теперь-же нижегородцамъ заниматься хлѣбопашствомъ вовсе нельзя. На опушкахъ лѣсовъ, на полянахъ и въ самой станицѣ лежатъ цѣлые стаи соекъ, дроздовъ и раздаются во всѣхъ направленіяхъ звуки безчисленнаго множества птицъ.

Дорога отъ Нижегородской до Самурской идетъ въ начаѣ, на протяженіи приблизительно версты, въ гору, а затѣмъ спускается въ долину р. Матазукъ и по ней доходитъ до Самурской станицы.

Дня черезъ два послѣ возвращенія въ Самурскую я отправился на гору Оппепенъ, которая, находясь верстахъ въ 15 отъ станицы и будучи видна оттуда очень хорошо, обращаетъ на себя вниманіе каждого, какъ своимъ красивымъ видомъ, такъ и правильностью формы, напоминающей тупой, закругленный у вершины, конусъ. Особенно украшаетъ ее густой лѣсъ, который сплошь покрываетъ склоны ея, оставляя лишь небольшую прогалину на самой вершинѣ.

Что-бы попасть на Ошлепенъ, мы должны были переправиться черезъ Пшеху, пройхать верстъ 10 по полянамъ вдоль лѣваго берега ея, а затѣмъ, повернувъ вправо, подниматься уже на самую гору. Весь подъемъ тянулся по сплошному лѣсу, который внизу состоялъ изъ различныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, а начиная съ половины горы и до вершины ея—изъ одного только дуба. Когда-то здѣсь былъ самый лучшій въ окрестностяхъ Самурской станицы дубовый лѣсъ, теперь-же одна часть его, употребленная на бочки, боченки, ведра, кадки и т. под., вывезена отсюда за сотни верстъ, а другая—въ видѣ вѣтвей и толстыхъ стволовъ, которые не годились на такъ-называемыя трости, валяется и гниетъ на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ когда-то росла цѣлыхъ столѣтія. Объ этомъ, впрочемъ говорилось уже въ началѣ статьи.

До половины горы шла довольно сносная и пологая дорога, дальше-же она становилась круче и круче, такъ что значительную часть ея мы должны были пройти пѣшкомъ. Во многихъ мѣстахъ приходилось сворачивать съ нея вслѣдствіе того, что она была страшно загромождена огромными срубленными деревьями. Употребивъ на подъемъ часа полтора, мы попали на вершину, которая представляла поляну, покрытую высокой зеленою травой и находящуюся на высотѣ 3000 футовъ надъ уровнемъ моря; по срединѣ ея стояли 2 или 3 большихъ дерева, подъ тѣнью которыхъ мы и расположились. Здѣсь-же на самой вершинѣ горы оказались три оленыхъ лежки, по свѣжѣ примятой травѣ которыхъ можно было догодаться, что олени или ланки отдыхали въ этомъ мѣстѣ очень недавно. Нельзя было не удивляться сообразительности этихъ животныхъ, которая выразилась въ умѣнїи выбрать себѣ наиболѣе подходящее мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь всегда прохладно, дуетъ свѣжій вѣтерокъ, нѣтъ ни мухъ, ни комаровъ, а людей, въ особенности въ лѣтнее время, никогда не бываетъ.

На Ошлепенѣ стбить побывать уже для одного того, что-бы полюбоваться тѣми красивыми видами, которые открываются съ вершины его. Особенно хорошо видна отсюда верхняя часть долины Пшехи и ея притоковъ Кушако и Гогопса, а также правая вершина Оштепна, преимущественно ея западная сторона.

Послѣ поѣздки на Ошлепенъ я отправился въ Нефтяную станицу, что-бы посмотреть на тамошніе нефтяные источники.

Одни изъ нихъ, именно болѣе богатые нефтью, находятся въ лѣсу, верстахъ въ 5 къ востоку отъ станицы, другіе-же значительно ближе. Первые, въ числѣ 27, расположены у дна пологой балки, на пространствѣ сажень въ 60 въ длину и ширину. Нѣкоторые изъ нихъ отстоятъ другъ-отъ-друга всего лишь сажени на двѣ. Одинъ изъ колодцевъ имѣетъ около 30 аршинъ глубины, прочіе-же нѣсколько мельче. Всѣ они обложены деревянными срубами. Нефть или мазутъ вмѣстѣ съ большимъ количествомъ воды вычерпывается изъ нихъ по 2 раза въ сутки и сливаются въ деревянные чаны, изъ которыхъ потомъ вода спускается. Нѣкоторые колодцы даютъ въ сутки 8—10 ведеръ ма-зута, другіе—не больше двухъ, а изъ всѣхъ ихъ получается около 90 ведеръ въ сутки.

Другіе колодцы, въ числѣ 10 или 11, находятся верстахъ въ 3 отъ станицы. Изъ нихъ добывается очень мало нефти, именно ведеръ пять въ сутки и вся она по условію съ арендаторомъ, который за право эксплоатации ея изъ обѣихъ группъ колодцевъ платилъ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ по 1164 руб. въ годъ,— должна продаваться только жителямъ станицы.

Около тѣхъ и другихъ колодцевъ мазутъ продаютъ по 17—18 коп. за ведро, въ станицѣ постороннимъ лицамъ по 20 коп., а мѣстнымъ жителямъ по 15 коп. Онъ вытекаетъ здѣсь изъ пластовъ глинистаго сланца и употребляется только на смазку колесъ. Нефтянцы говорятъ, что ихъ арендаторъ получалъ иногда чистаго дохода отъ продажи нефти рублей 500 въ мѣсяцъ. Такъ было поставлено здѣсь нефтяное дѣло 3—4 года тому назадъ.

Существуютъ также нефтяные источники, но еще болѣе бѣдные нефтью, верстахъ въ 8 отъ Ширванской станицы, а между Нефтяной и Хадыжинской станицами залежи горного воска.

Въ заключеніе скажу еще о важнѣйшихъ представителяхъ позвоночныхъ животныхъ этой части Кавказа. Изъ копытныхъ млекопитающихъ въ ней водятся олени, козули или дикия козы, серны и дикия свиньи. Что касается зубровъ и горныхъ козловъ (*Capra caucasica* Guld.), то они въ описанной мѣстности не встрѣчаются, но живутъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ней, именно зубры во всѣхъ большихъ лѣсахъ верховьевъ Бѣлой, гдѣ

свѣжіе скѣды ихъ можно видѣть ежедневно, а горные козлы—на Шугусѣ, Абаго и сосѣднихъ съ ними высокихъ горахъ. На Оштенѣ-же, поднимающемся хотя и выше снѣжной линіи, нѣть такихъ скалъ и трущобъ, куда-бы не могъ добраться человѣкъ,—по этой причинѣ, вѣроятно, не водятся на немъ и горные козлы.

Серны встрѣчаются здѣсь на всѣхъ, болѣе или менѣе высокихъ и скалистыхъ горахъ. На Оштенѣ и его предгорьяхъ онѣ живутъ по совершенно открытымъ мѣстамъ; въ верховьяхъ-же Цеце, Сахрая и весьма многихъ другихъ мѣстахъ—въ лѣсахъ, растущихъ по скаламъ. Ихъ можно видѣть довольно часто и не-далеко оть жилыхъ или вообще болѣе или менѣе людныхъ мѣсть, какъ напр. въ долинѣ Бѣлой, между Даховской и Хамышками. Здѣсь я встрѣчалъ ихъ много разъ вблизи дороги, по которой постоянно їздить и ходить.

Олени въ здѣшнихъ лѣсахъ живутъ почти повсемѣстно, начиная отъ самыхъ предгорій и до верхней границы лѣсовъ. Они до сихъ поръ часто встрѣчаются около станицы Апшеронской, Нефтяной и т. д., въ горахъ-же, конечно, еще чаще. Нерѣдко можно видѣть ихъ въ нижнемъ поясѣ горныхъ луговъ, гдѣ они пасутся ночью и рано утромъ, а большую часть дня лежать, спасаясь отъ жары, оводовъ и слѣпней, въ густыхъ бурьянахъ. Иногда они, подобно турамъ или сернамъ, взбираются на высокія, скалистыя горы и держатся тамъ въ теченіе всего лѣта. Надо замѣтить, что самцы-олени гораздо осторожнѣе, чѣмъ ланки и живутъ обыкновенно въ болѣе глухихъ лѣсахъ. Такимъ образомъ ланки попадались мнѣ самому нѣсколько разъ, въ 5—6 верстахъ отъ станицы Самурской, оленей-же я въ такихъ мѣстахъ не видѣлъ никогда. Они большую часть года живутъ въ глухихъ ущельяхъ или на высокихъ трудно-доступныхъ хребтахъ, покрытыхъ густымъ ельникомъ. По этой причинѣ ланки гораздо чаще попадаютъ подъ пулю охотника, чѣмъ самцы-олени, о чёмъ, конечно, нельзѧ не пожалѣть.

Дикая коза встрѣчается гораздо чаще оленя и живетъ преимущественно въ предгорьяхъ и нижнемъ поясѣ горъ, въ лѣсахъ густыхъ и рѣдкихъ, но изобилующихъ полянами, на которыхъ она выходитъ кормиться утромъ и вечеромъ; высокихъ-же горъ, мрачныхъ, скалистыхъ ущелій и сплошныхъ, высокоствольныхъ лѣсовъ верхняго пояса горъ дикая коза избѣгаетъ.

Свины живутъ во всѣхъ лѣсахъ, но съ каждымъ годомъ число ихъ замѣтно уменьшается. Прежде жители Самурской убивали по пѣскольку штуки ихъ во время каждой охоты, притомъ подъ самой станицей, въ послѣдніе же годы такие случаи стали рѣдки. Лѣтъ 7 тому назадъ свиней было очень много въ долинѣ Кушако, а теперь большая часть ихъ истреблена армянами, поселившимися въ верховьяхъ Пшехи, вблизи впаденія въ нее Гогопса.

Медвѣди принадлежать къ самымъ обыкновеннымъ животнымъ этой мѣстности. Зимою они встрѣчаются рѣдко, такъ какъ большая часть ихъ залегаетъ въ спячку, весною-же, лѣтомъ и осенью—гораздо чаще. Временами ихъ появляется такое множество, что почти нельзя побывать въ лѣсу, не увидѣвъ хотя одного изъ нихъ. Въ 1890 году одинъ сохрайскій охотникъ за двѣ недѣли убилъ 24 штуки медвѣдей. Мнѣ попадались медвѣди всюду, отъ самой подошвы горъ и до ихъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ. На горныхъ лугахъ я видѣлъ ихъ очень часто и притомъ по 3 и даже по 4 штуки вмѣстѣ. Особенно часто бродятъ тамъ медвѣдицы съ молодыми медвѣжатами. Охотятся за медвѣдями здѣсь сравнительно мало и бываютъ ихъ по большей части только при случайной встрѣчѣ. При достаточномъ количествѣ другой дичи медвѣдь въ глазахъ промышленника не представляетъ ничего заманчиваго, такъ какъ мясо его въ пищу не употребляетъ вовсе, мяхъ мало цѣнится, да и притомъ въ ту пору, когда онъ обладаетъ лучшими качествами, т. е. въ позднюю осень и зимой, медвѣди сравнительно рѣдко попадаются на глаза человѣку.

Рыси встрѣчаются въ здѣшнихъ мѣстахъ не часто. За тридцати-лѣтнее существованіе Самурской станицы ихъ убито охотниками не болѣе 10—12 штукъ. Мнѣ самому не удавалось видѣть рыси ни разу. Шакаловъ въ этой мѣстности нѣть вовсе. Рѣчные выдры или порѣши живутъ во всѣхъ рѣкахъ довольно часто, но ловлей ихъ здѣсь не занимаются. Куница лѣсная и бѣлодушка встрѣчаются очень часто и пѣсколько разъ попадались мнѣ. Волки и лисицы водятся во множествѣ у подножья горъ и преимущественно вблизи жилыхъ мѣсть; въ верхней же поясѣ горъ я не встрѣчалъ ихъ не разу и, проводя ежегодно на горныхъ лугахъ не одинъ десятокъ ночей, никогда не слышалъ голоса ихъ. Зайцы живутъ главнымъ образомъ въ нижнемъ поясѣ горъ, но иногда попадались мнѣ и на горныхъ лугахъ.

Изъ хищныхъ птицъ я встрѣчалъ часто три вида грифовъ, именемо: чернобураго (*Vultur monachus L.*), бѣлоголоваго грифа (*Gyps fulvus Gm.*) и грязнаго сипа (*Neophron percnopterus L.*). Во время зимы бѣлоголовыхъ грифовъ бываетъ адѣль много, что охотникамъ приходится тщательно прятать убитыхъ ими въ лѣсахъ звѣрей, покрывая ихъ вѣтками, хворостомъ и т. под.; въ противномъ случаѣ грифы тотчасъ находятъ ихъ и съѣдаютъ все мясо. Ягнятниковъ (*Gypaetus barbatus L.*) я встрѣчалъ разъ 5—6. Скопа (*Pondion fluviatilis Sav.*) настолько обыкновенна, что каждый изъ здѣшнихъ жителей можетъ разсказать, какъ она ловить рыбу. Черный коршунъ (*Milvus ater L.*) попадался мнѣ не особенно часто, а гораздо чаще—два вида ястребовъ: *Astur nisus L.* и *A. pallidus L.* Послѣднаго я видѣлъ очень часто въ срединѣ Самурской станицы, гдѣ онъ ловить курь, цыплятъ, утокъ и т. д. и отдыкаетъ на одиночно стоящихъ столѣтнихъ дубахъ, оставшихся еще отъ временъ горцевъ. Пустельга (*Certhneis tinunculus L.*) и кобчикъ (*Erythrocops vespertinus L.*) встречаются довольно часто. Орланъ-бѣлохвостъ (*Haliaetus albicilla L.*) попадался мнѣ нѣсколько разъ, а краснохвостый сарычъ (*Buteo Menetriesi Bogd.*) принадлежитъ къ самымъ обычнѣйшимъ изъ здѣшнихъ птицъ. Воронъ (*Corvus corax L.*), сѣрая ворона (*Corvus cornix L.*) и клушица (*Fregilus graculus L.*) попадаются очень часто, но послѣдняя лишь на болѣе или менѣе высокихъ горахъ. Замѣчательно, что сорока (*Pica europaea Cuv.*) въ окрестностяхъ Самурской лѣтомъ не встрѣчается вовсе, а зимою лишь очень рѣдко. Въ горахъ ея, конечно, также не бываетъ. Черноголовая сойка (*Garrulus Krupnickii Bogd.*) принадлежитъ къ самымъ обычнѣйшимъ здѣшнимъ птицамъ. Интересно также, что обыкновенный скворецъ (*Sturnus vulgaris L.*), выводящій на Кавказъ свое потомство по большей части внутри сель, станицъ и городовъ подъ крышами домовъ, сараевъ и въ нарочно устраиваемыхъ, такъ называемыхъ, скворечникахъ, адѣль избѣгаетъ станицъ и попадаетъ только въ окрестностяхъ ихъ.

Воробей (*Passer domesticus* и *Salicipasser montanus L.*), зяблики, дубоносы, щеглы, снигири, горныя овсянки (*Hylaespira cia L.*), хохлатые жаворонки встречаются очень часто.

Крапивникъ (*Troglodytes parvulus Koch*), пищуха (*Certhiailiaris L.*), удодъ, поползень (*Sitta caesia M. и W.*) и зимородокъ (*Alcedo ispida L.*) также очень обыкновенны. Козодой (*Caprimul-*

gus punctatus L.) живеть только у подножья горъ, а щурки (*Megops apiaster* L.) не только здѣсь, но попадаются на высотѣ болѣе 5000 фут. Изъ ласточекъ и касаточекъ водятся *Hirundo rustica* L., *Chelidon urbica*, *Cotyle riparia* L., *C. rupestris* Scop. и *Cypselus apus* L.

Дятлы живутъ въ лѣсахъ въ числѣ трехъ видовъ: *Picus Poelzami* Bogd., *Picus viridis* и *Dryocopus martius* L. Первые два встрѣчаются очень часто, а послѣдній попадался мнѣ всего лишь раза два.

Дроздъ деряба (*Turdus viscivorus* L.) встрѣчается довольно часто въ хвойныхъ лѣсахъ вблизи полянъ и опушекъ, а также на горныхъ лугахъ до высоты почти 7000 фут., черный дроздъ (*Merula vulgaris* Ray) живеть во всѣхъ лѣсахъ и зимуетъ здѣсь, а бѣлозобый (*Merula torquata* L.)—только на горныхъ лугахъ. Оляпка или каменный дроадъ (*Cinclus aquaticus* Bechst.) попадается довольно часто по рѣчкамъ и ручьямъ. Иволга очень обыкновенна въ предгорьяхъ и нижнемъ поясѣ горъ, также сорокопутъ-жуланъ (*Enneocotonus collaris* L.) и *Lanius Homeyeri* Cab. Синицы (*Parus major* L. и *Cyanistes caeruleus* L.) и чеканы (*Saxicola oenanthe* L. и *Pratincola rubetra* L.) принадлежать къ самыи обыкновеннымъ здѣшнимъ птичкамъ. Корольковъ (*Regulus flavigapillus* Naum.) я видѣть только одинъ разъ въ пихтовомъ лѣсу на Бѣлой. Горная завишка (*Accendor alpinus* Gm.) на большихъ высотахъ встречается очень часто, а нѣсколько ниже ея луговая щеврица (*Anthus pratensis* Bechst.). Плиска (*Motacilla alba* L. и *Calobates sulphurea* Bechst.) также очень обыкновенны; то-же можно сказать про славокъ (*Sylvia atricapilla* L., *S. hortensis* Penn., *S. cinerea* Briss. и *Locustella certiola* Pall.). Голосъ послѣдней я часто слышалъ на горныхъ лугахъ.

Изъ голубиныхъ мнѣ часто попадались горлицы, ветюти и дикий голубь (*Columba livia* Briss.). Первые два живуть только у подножья горъ, а послѣдній и на довольно значительныхъ высотахъ, хотя рѣже, чѣмъ на высокихъ горахъ другихъ частей Кавказа. Огромное количество ветютней зимуетъ здѣсь въ пихтовыхъ лѣсахъ.

Изъ куриныхъ я встрѣтилъ только кавказскаго тетерева (*Tetrao Mlocosyewitzii* Tacz.) и перепелокъ. Горныхъ курочекъ здѣсь нѣть вовсе, а фазаны, которые водились прежде около Саумурской станицы, погибли въ сировую зиму 79—80 года и съ

тѣхъ порь не показываются. Горная индѣйка могла-бы водиться на Оштенѣ, но я не разу не видѣлъ ее тамъ и не слышалъ ея голоса.

Голенастыхъ птицъ здѣсь мало. Я встрѣчалъ изъ нихъ нѣсколько разъ чернаго аиста, кудичка береговика (*Actitis hypoleucos L.*), черныша (*Totanus ochropus L.*), рѣчного зуйка (*Aegialites minor M. и W.*) и коростеля (*Crex pratensis*). Послѣдній поднимается на горныхъ лугахъ до высоты тысяча шести футовъ. Вальдшнепы изрѣдка даже выводятся и попадались мнѣ лѣтомъ нѣсколько разъ, а дрофа бываетъ только во время перелетовъ, поздней осенью и зимою.

Различныя породы утокъ живутъ здѣсь въ теченіе круглого года, но мнѣ не удавалось добыть ихъ.

Изъ пресмыкающихся я находилъ обыкновенную черепаху (*Emyd. europaea*), два вида ужей (*Tropidonotus natrix* и *Coronella austriaca*), мѣдянку (*Anguis fragilis*), гадюку (*Pelias berus L.*) и зеленую ящерицу (*Lacerta viridis L.*). Мѣдяницы и гадюки попадались мнѣ на высотѣ почти 5000 футовъ.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА АРАДТЬ.

Сообщение действительного члена Отдѣла А. В. Пастухова, читанное въ общемъ собраніи 10-го мая 1894 года.

Лѣтомъ прошлаго 1892 года, мнѣ довелось произвести топографическія съемки вблизи Большого Араката, а потому, пользуясь этимъ случаемъ, я рѣшилъ побывать на самой вершинѣ библейскаго великаны и произвести тамъ съемку, метеорологическія и другія наблюденія и оставить максимальный и минимальный термометры. Вмѣстѣ со мной изъявили желаніе подняться лаборантъ московскаго университета А. А. Ивановскій, чиновникъ тифлисской контрольной палаты О. И. Тамъ, студентъ петербургскаго университета В. В. Бутыркинъ и девять человѣкъ состоявшихъ при мнѣ казаковъ: Карпенко, Сорокинъ и Житченко (Лабинскаго полка), Елисеенко, Ищенко, Костюкъ, Вивчарь, Пивоваръ и Марченко (Ейскаго полка).

2-го августа, въ 7 час. 30 мин. утра, при совершенно тихой и ясной погодѣ, мы оставили кочевку, расположенную близъ родника Сардаръ-булагъ и направились въ юго-западномъ направлениѣ къ одному изъ безыменныхъ ущелій, спускающихся съ восточной стороны Большого Араката. Мнѣ казалось, что это ущелье наиболѣе другихъ доступно для верховойѣезды и что по немъ можно достигнуть наибольшей высоты, не слѣзая съ лошади и такимъ образомъ, избавить себя, отъ лишней, крайне утомительной ходьбы пѣшкомъ и сохранить свои силы для дальнѣйшаго путешествія.

Вмѣстѣ съ нами вышли изъ кочевки три курда, вооруженные скорострѣльными ружьями; у каждого изъ нихъ было по крайней мѣрѣ по полсотни патроновъ и по нѣсколько пшеничныхъ лепешекъ, что показывало ихъ намѣреніе совершить болѣе или менѣе продолжительное путешествіе; одинъ изъ нихъ былъ верхомъ на прекрасной сѣрой лошади, двое другихъ шли пѣшкомъ. Щавшій верхомъ зналъ нѣсколько русскихъ словъ и по-